

ПАРЛАМЕНТ

ВСЕРОССИЙСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ◆ ИЗДАЕТСЯ С АПРЕЛЯ 1990 ГОДА

ИСТОЧНИК

Москороп 1992

Тарковская погода

Летувое Магиду

Есаул + Тутмана = 120000

КНИГА судьб

Ликойда прелюде

Буклет Вырский

Место встречи — Третий Рим...

«Я очень не люблю давать интервью, но даю все время. Просто стесняюсь отказать», — сказал

Владимир ВОЙНОВИЧ,

а наш корреспондент

Валерий ПЕРЕВОЗЧИКОВ,

воспользовавшись стесненными

обстоятельствами, подсунул

писателю для заполнения анкеты

Достоевского Ф. М. И произошло

все это совсем незадолго до 1992-го.

Веселый писатель — человек серьезный.

Но, ввиду того, что пятьдесят лет

спустя, в 2042-ом, в той же

белокаменной у нашего спецкора вышла

встреча (изменить ее уже было нельзя)

с лихим прозаиком

Виталием Никитичем Карцевым,

интервью пестрит ассоциативными

ремарками из будущего.

Наша справка: писателя Карцева родил

писатель Войнович.

«МОСКВА 2042»

«Учитывая выдающиеся заслуги в деле создания предварительной (докоммунистической) литературы, отсутствие наличия в его действиях преступного умысла, отсталость его мировоззрения и за давностью лет Карцева Виталия Никитича:

1. Полностью реабилитировать и отныне считать полноправным гражданином Московской ордена Ленина Краснознаменной Коммунистической республики.

2. Реабилитированного Карцева произвести в чин младшего лейтенанта литературной службы с присвоением ему звездного имени Классик.

3. В связи с приближающимся столетием со дня рождения Классика Никитича Карцева объявить его юбилей всенародным праздником.

4. Обязать Юбилейный Пятигольник организовать подготовку к юбилею на высоком идейно-политическом уровне, а во всех трудовых коллективах провести торжественные митинги, собрания, читательские конференции с обязательным повторным изучением основных трудов Юбиляра».

МОСКВА 1992

— Что вы цените в людях?
— Ценю честность и доброту. И непредвзятость.

— Что не любите?
— Просто ненавижу ханжество и лицемерие.

— Человеческие недостатки, которые вы склонны прощать?

— Я бы повторил то, что сказал Маркс о женщинах... Прощаю человеческую слабость. Но выразился бы иначе — растяпистость. Такую жизненную непрактичность.

— Что не прощаете?

— Ханжество, лицемерие, лживость. Я очень редко иду на разрыв с человеком, но теперь стал к людям строже.

— Из-за возраста?

— Может быть, из-за возраста, но главным образом из-за опыта. Потому что мой жизненный опыт довольно печален. Жизнь сложилась так, что мне пришлось проверять своих друзей — и в радости, и в разлуке, и в беде. И некоторые люди не выдержали испытания: кто радостью, кто бедой, кто разлукой.

— Что вы цените в женщинах?

— Это сложный вопрос. (Пауза). В женщинах я ценю покладистость.

«МОСКВА 2042»

«В следующей комнате я встре-

МОСКВА

тил женщину с большой машинкой, созданной, вероятно, для стрижки овец, а не людей. Женщина предложила мне подстричься. Я сел, прикрываясь тазиком, и попросил подстричь меня под полубокс. Она, ничего не ответив и ничем меня не накрыв, провела мне широкую просеку посреди темени».

МОСКВА 1992

— А в мужчинах что цените?
— Человечность. И честное отношение к себе и окружающему миру. Совершенно не ценю мужественность.
— Моя бабушка говорила — «мужчинистый мужчина»...
— Вот именно.
— Ваше любимое занятие?
— Писать что-нибудь и выбрасывать.
— То есть: мусорная корзина — лучший друг писателя?
— Согласен с этим. Очень много выбрасываю.

«МОСКВА 2042»

«Ордена Ленина
Гвардейский союз
Коммунистических писателей
Главное управление
Безбумажной литературы
(Безбумлит)

На мой вопрос, что такое безбумажная литература, Смерчев с улыбкой ответил, что это литература, которая пишется без бумаги.

С большим интересом вошел я в открытую Коммунием дверь.

— Комсор — классик предлитературы, — срывая голос, доложил мне подполковник. — Писатели-разработчики подразделения безбумажной литературы заняты разработкой темы коммунистического труда. Работа идет строго по графику. Опоздавших, отсутствующих и больных не имеется. Подполковник Сучкин.

— Вольно! Вольно! — скомандовал я и помахал всем руками, чтобы сели.

Под дружный треск клавишей подполковник мне рассказал, что его отряд состоит из начинающих писателей или, как их еще называют, подписателей или подкомпи-

сов. У них пока нет достаточного писательского стажа, поэтому излагать свои мысли непосредственно на бумаге им пока что не разрешают».

МОСКВА 1992

— Ваше представление о счастье?

— Представление о счастье? Чтобы все от меня отстало.

— Это сейчас такая ситуация?

— Нет, это ситуация всей моей жизни.

В прошлом ко мне приставали графоманы, сумасшедшие и сотрудники КГБ. А сейчас — тоже сумасшедшие и графоманы, но и те поклонники, о существовании которых я не знал... Было время, когда быть моим поклонником было опасно.

«МОСКВА 2042»

«— Классику ура! — крикнул Охламонов.

— Ура! — закричали другие.

— Кстати, — сказал я. — Классиком я сам себя не называл. Это вы

мне эту кличку придумали, а я на нее вовсе не претендую.

— Скромности нашего классика ура! — опять прокричал Охламонов.

Дураки, подумал я, вот дураки. Ну неужели они думают, что меня с моим-то опытом можно поймать на такой дешевке».

МОСКВА 1992

— Ваше представление о несчастье?
— Самое большое несчастье — это смерть детей.
— Верите ли вы в судьбу?
— Вообще я — неверующий, но в судьбу верю. Судьба для меня — это некий извилистый путь, который как бы предназначен мне какими-то высшими силами. Предназначен как прямой путь, а обстоятельства и я сам постоянно его искривляю. Поэтому путь получается извилистым.
— Есть ли историческая эпоха, в которой вы бы хотели жить?
— Да, вы знаете, есть... Во-первых, в теперешней, начиная примерно с 1979-го года. И, во-вторых, в эпоху с 1861 по 1881-й год. Это тоже было время реформ, очень обнадеживающее время. Реформы, кстати, были перспективнее, чем теперешние перемены, но, к сожалению, все это кончилось плохо. А сейчас надежд меньше, но, может быть, все кончится хорошо.

«МОСКВА 2042»

Августовская революция

«До революции, когда никакого Москорепа еще не существовало в природе, Советским Союзом правили глубокие старцы. То есть они не всегда, конечно, были такими глубокими. Власть они обычно захватывали еще полными сил и здоровья. И всякий раз принимались за омоложение кадров. Но за время омоложения они обычно успевали состариться и, умудренные возрастом, приходили к мысли, что наиболее прогрессивной формой правления является форма маразматическая.

Тогда-то Гениалиссимус и произвел революцию, которая произошла в результате так называемого «заговора рассерженных генералов КГБ».

МОСКВА 1992

— Было ли историческое событие, которое поразило вас как личное происшествие?

— Их было несколько. Первое — 22 июня 1941 года. Второе — 9 мая 1945 года. И 21 декабря 1980 года — мой отъезд за границу. Конечно, это стало для меня огромным событием. Хотя это и не историческое событие, но для меня — более чем историческое событие. Потрясение.

И теперешние события, безусловно, являются главными событиями всемирной истории. И происходят они здесь — в Советском Союзе.

— Был ли у вас соблазн другой жизни?

— Раньше не было, а теперь такой соблазн есть. Если бы мне предложили родиться еще раз и выбрать место и время, то я хотел бы родиться в Америке в середине тридцатых годов. Я никогда не хотел жить той жизнью, которой жил здесь...

— Главная черта вашего характера?

— Это трудный вопрос. Главная черта моего характера — лень. Или одна из главных... Еще: я делаю много того, чего не хочу.

«МОСКВА 2042»

«...мой черт, который с тех пор, как в меня вселился, только о том и думает, как бы подбить меня на какую-нибудь авантюру. Иногда он перегибает палку, и тогда я давлу его в себе без малейшей жалости. Он затихает и некоторое время не подает никаких признаков жизни. В такие дни все знающие меня не могут нарадоваться. Одет я с иголки, умыт, выбрит, подстрижен и к тому же исключительно со всеми любезен.

Но наступает время, черт пробуждается и начинает нудить:

— Ну что ты встаешь? Еще рано, обед еще не готов, можешь поспать. Спешить некуда, все равно когда-то помрешь.

Черт такой настойчивый, я не всегда могу перед ним устоять».

МОСКВА 1992

— Ваше отношение к смерти?

— Я отношусь к смерти естественно. Когда мне было девять лет и я жил на хуторе Северо-Восточный Ставропольского края, мне бабушка сказала, что все люди смертны. Я долго не мог поверить в это. Думал так: может быть, бабушка и смертна, но я — вряд ли. В конце концов и это осознал. Теперь я всегда помню, что смертен, — и это облегчает мою жизнь. Это помогает мне выживать в сложных ситуациях и не делать подлостей...

Я не верю в загробную жизнь, не верю в воздаяние: ни за грехи, ни за добрые дела... Но думаю, что мне жизнь дана всего один раз, и я хочу прожить ее по чести и совести. Я не хочу терзаться тем, что совершил какой-то подлый поступок: украл, убил или кого-то очень обидел... Не хочу.

— Какой смертью вы хотели бы умереть?

— Тихой. Во сне.

первоисточник

— Ваше отношение к Богу?

— Я неверующий. Но я и не атеист, и никогда атеистом не был. Я бы сказал — еще не знаю. Ни в какую конкретную религию совершенно не верю. Но думаю, что есть какие-то вещи, которые находятся за пределами нашего понимания. Эти вещи никогда нами поняты не будут. Есть некая тайна, сохраняемая природой, и сохраняемая очень строго. Где-то что-то есть. И это — тайна.

— Вы кому-нибудь завидуете?

— Я завидую людям, которые довольны своим поведением. Допустим, человек пьянствует и доволен тем, что он пьянствует. Или наоборот: он идет в монастырь, делает добрые дела — и этим очень доволен. А я, например, всегда недоволен тем, что делаю. Всегда думаю, что надо делать что-то другое.

— Есть ли у вас любимый литературный герой?

— Да, есть. Собакевич.

— Был ли в вашей жизни человек, оказавший на вас наибольшее влияние?

— Было несколько человек. Но прежде всего мой отец — Николай Павлович Войнович. Отец оказал на меня совершенно исключительное влияние. Он был удивительным человеком: порядочным, скромным... И в высшей степени — аске-

тизировала, выводила из состояния равновесия, никакие реально объяснимые причины не вынуждали меня ей подчиниться, но не подчиниться ей я мог, только оказав отчаянное внутреннее сопротивление.

Непонятно?»

МОСКВА 1992

— Что вы цените в друзьях?

— Верность. И уверенность в том, что друг не солжет, не совершит заведомо нехорошего поступка. Я так говорю, потому что в моей жизни были люди, которых я считал друзьями. Но потом они истолковали какие-то мои поступки заведомо неправильно.

Если бы они действительно искренними друзьями, то смогли бы понять — или постарались бы понять, — что я того-то и того-то сделать просто не мог. Или делал это, не имея никаких задних мыслей.

Но я хочу подчеркнуть, что у меня есть друзья, которые выдержали все испытания. А с другой стороны, и я с ними выдержал многие и многие испытания. Не хочу, чтобы создалось впечатление,

Кроме того, я часто бываю в Америке, провожу там довольно много времени. И в Америке много друзей среди эмигрантов и аборигенов.

— Какой вопрос вы хотели бы задать самому себе?

— Я часто задаю себе вопрос: зачем я рвусь сюда, в эту страну?

— И перед последним вопросом, чуть подробнее о вашей жизни в ставропольской станице.

— На Ставрополье прожил всего один год. Это была эвакуация: с августа 1941-го года до прихода немцев в 1942-ом. Мы приехали с семьей тетки из Запорожья, а когда фронт снова приблизился — эвакуировались во второй раз. Это был короткий период моей жизни, но он очень мне запомнился. Я, кстати, написал рассказ об одном случае в станице. «Цоб-цобе» — о том, как мы ездили на волах. Мы жили в колхозе, я действительно ездил на волах, учился ездить верхом на лошади... В колхозе был один мерин, на котором все ребята учились ездить. И звали его Ворошилов.

— Насколько искренне вы отвечали?

— Насколько возможно. Не лукавил. Бывает, что человек невольно неискренен: то есть у него есть предвзятое мнение о самом себе. Это могло отразиться... Но я старался быть предельно искренним. По-моему, это видно по ответам.

«МОСКВА 2042»

«Я рассказываю только о том, что сам видел своими глазами. Или слышал своими ушами. Или мне рассказывал кто-то, кому я очень доверяю. Или доверяю не очень. Или очень не доверяю. Во всяком случае, то, что я пишу, всегда на чем-то основано. Иногда даже основано совсем ни на чем. Но каждый, кто хотя бы поверхностно знаком с теорией относительности, знает, что ничто есть разновидность нечто, а нечто это тоже что-то, из чего можно извлечь кое-что.

Я думаю, это объяснение достаточно, чтобы вы отнеслись к моему рассказу с полным доверием».

1992
2042

тичным, что производило на меня глубокое впечатление. Я этому не следовал. И следовать не собираюсь, но его пример — это некий потолок... Потолок, к которому я отчасти могу приближаться, но достичь которого не могу, да и не хочу.

«МОСКВА 2042»

«Жена вспылала... Это ты сам виноват, ты сам себя так поставил, что они с тобой позволяют обращаться как с мальчиком.

будто я только жалею: у меня есть верные, настоящие друзья. И наша дружба выдержала и плохие, и хорошие времена и не охладела в долгой разлуке.

— Круг вашего общения?

— Очень широкий. Я живу как бы в нескольких совершенно разных средах... В Союзе — это друзья, издатели и читатели. А в Германии, где я тоже живу — провожу примерно половину года, — там тоже самый широкий круг общения. Я живу в деревне и общаюсь с жителями этой деревни: от тамошнего барона до крестьянина, который работает рядом.

Неуклюжие попытки «обличить» следственную группу Гдьяна и Иванова обусловили предположения об управляемости Роя Медведева.

«Он — один из популярнейших ныне историков. Его труды наперебой публикуют журналы и газеты, его имя в недавнем прошлом было чуть ли не знаменем неконформизма, и в итоге опальный ученый стал депутатом Верховного Совета СССР. Некогда исключенный, он восстановлен в КПСС, и, перефразируя сказанное Л. Д. Троцким в 1917 году, можно отметить, что не Рой Медведев пришел в партию, но партия пришла (вернулась?) к нему.

Однако именно это во многом изменило отношение к историку-диссиденту. Постоянно декларируемая верность идеалам марксизма уже не вызывает одобрения масс, уставших от различных «социалистических преобразований». Кроме того, вся парламентская деятельность Р. Медведева, особенно неуклюжие попытки «обличить» следственную группу Т. Гдьяна и Н. Иванова, обусловили предположение об управляемости, а то и ангажированности бывшего неконформиста.

Ангажированный неконформист — это, конечно, нонсенс, но ведь не исключена и своего рода эволюция. Впрочем, наиболее радикальные (а потому и не всегда корректные) оппоненты Р. Медведева утверждают, что никакой эволюции не было, т. е. не было историка-диссидента как такового. Доля истины в возражениях оппонентов-радикалов есть. Р. Медведев действительно не стремился «подорвать основы», признавал правильность ленинского курса и, разоблачая Сталина, видел в нем лишь некоего оборотня, чьи козни да интриги не дали и не дают стране развиваться по плану, предусмотренному Лениным. То была, пожалуй, самая безобидная критика режима. Разумеется, суждения Р. Медведева не вполне соответствовали идеологическим установкам брежневской эпохи, но, как только идеологи объявили о продолжении десталинизации, опальный историк, оставшийся на позициях XX и XXII съездов КПСС, пришелся как нельзя более кстати. И официальные инстанции охотно признали его независимым и даже «альтернативным».

Труды Р. Медведева и в самом деле были альтернативой. По сравнению с ними сочинения подавляющего большинства советских историков выглядели вульгарной и грубо сработанной фальшивкой.

Тем не менее противники нынешнего парламентария указывают на одно довольно странное обстоятельство: при обилии несанкционированных зарубежных публикаций автор отделался всего-навсего исключением из КПСС. Для иных диссидентов книга и даже единственная статья в «тамиздате» — это годы ссылки, тюрьмы, лагерей, пыток в «психушках» или принудительная эмиграция.

С другой стороны, вышеприведенные аргументы мало что доказывают. Подобное случалось и в сталинское время, а логику в применении более или менее жестоких репрессий найти вообще не легко.

Выводы оппонентов Р. Медведева так и остались бы не вполне обоснованными, если бы он сам не представил подтверждение. Вот выдержка из интервью, данного Р. Медведевым для газеты «45-я параллель» (издание Ставропольского краевого отделения Советского фонда культуры. Ноябрь. 1990):

«— Несколько слов о вашем материальном положении прежде и сейчас.

— В первое время, когда я только перестал работать, в 1971-м, оно было довольно трудным, но не безнадежным. Я получал гонорары за свою книгу, изданную на Западе. В 70-е годы разрешалось валюту переводить по официальным каналам, и я сам устанавливал себе определенный минимум заработной платы.

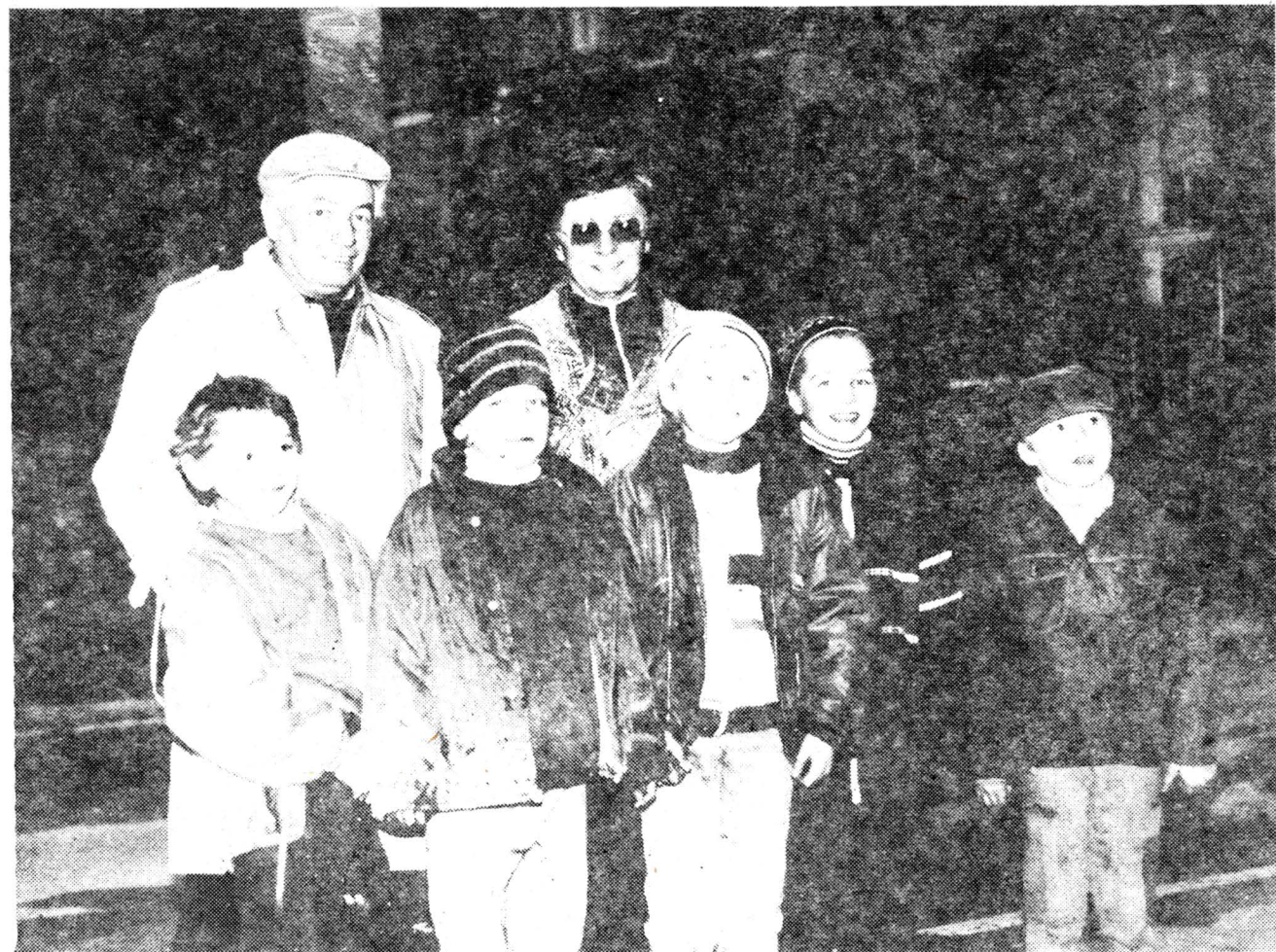
— Если не секрет, какой?

— В пересчете на советские деньги — 500 рублей в месяц, в то время этого было достаточно.»

Тут, пожалуй, можно и завершить дискуссию об ангажированности. Бывало, хоть и не часто, что авторы несанкционированных зарубежных публикаций оставались безнаказанными. Но регулярная оплата диссидентских изданий, переводимая по советским «официальным каналам», — это уж из области фантастики, причем ненаучной. Оппоненты Р. Медведева не ошиблись, по крайней мере, в одном: диссидентом он не был никогда.

«45» остается добавить, что эта без какого-либо неудовольствия восприняла ссылку на себя в знаменитом максимовском журнале, который ныне издается на родине, и отослать вас к статье «Рой Медведев как историк-диссидент» («Континент», № 68), выдержку из которой мы поместили.

Регулярная оплата диссидентских изданий по советским «официальным» каналам — это уже из области фантастики.

Комментарий фотокара к снимкам.

«На съемки Владимира Николаевича Войновича мы вместе с Валерием Перевозчиковым собрались во второй половине дня, поэтому, уж извините, света маловато. Надеюсь, из довольно большого числа сюжетов можно отобрать два-три. Что касается кадра с детьми, то эти мальчишки — соседи Войновича по дому, они очень хотели в кадр, да и Войнович попросил. Тут уже и Валерий не выдержал — тоже в историю угодил. Задний фон — полуразрушенное здание — символ перемен, как сказал писатель, поскольку из бывших коммуналок там делают сейчас офисы инофирм. Алексей ДЕНИСОВ».

Я ей сказал, что сам глубоко возмущен, на каждый призыв вовсе откликаться не собираюсь и ни в какое Торонто, разумеется, не поеду.

Я говорил это вполне искренне, злясь больше всего на себя самого и удивляясь той странной психической силе, которая действовала на меня, несмотря на разделяющее нас фантастическое расстояние.

Эта сила меня каким-то образом

Автор, которого мы сегодня представляем читателям «45», по числу наград, званий, титулов и пр. стоит в одном из первых рядов мастеров советской фотографии. Корабел из украинского города Николаева имеет звездный класс Американской фотографической ассоциации, не столь давно ему первому на Украине было присвоено высокое звание АФИАР. Почетный член многих отечественных и зарубежных фото клубов, Борис Панов в своем творчестве придерживается принципа, высказанного В. Белинским: «Человек был и будет самым любопытным для человека».

Покупка

Ярмарка

Гуцул

Кооператор

субъективный ОБЪЕКТИВ

Покаяние-IV

Покаяние-III

БРОКЕРСКАЯ ОНТОРА ВИЧ

ЮЖНО-РОССИЙСКОГО АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА
МОСКВИЧ

Брокерские конторы Южно-Российского акционерного общества «МОСКВИЧ» заинтересованы в открытии своих представительств на всей территории страны, в привлечении коммерческих агентов — порядочных и расторопных! — для работы на договорных условиях.

Брокерские конторы Южно-Российского акционерного общества «МОСКВИЧ» располагают полным спектром услуг по продаже, покупке или обмену транспорта, сырья, оборудования, материалов, недвижимости, бытовых товаров на Ставропольской товарной и Северо-Кавказской универсальной биржах.

Брокерские конторы Южно-Российского акционерного общества «МОСКВИЧ» осуществляют модную связь и информационное взаимодействие с Российской, Санкт-Петербургской, Московской, Пермской биржами.

Брокерские конторы Южно-Российского акционерного общества «МОСКВИЧ» данным объявлением гарантируют выполнение услуг в кратчайшие сроки, с выгодной для клиентов оплатой за услуги.

Брокерская контора Южно-Российского акционерного общества «МОСКВИЧ»: 355005, Ставрополь, ул. Герцена, 145. Тел. 97.587; 97.190

«МОСКВИЧ»
не роскошь, а средство передвижения к рынку!

Каждый ли имеет право на воспоминания о великих? По совести, конечно же, не тот, кто знал поэта или писателя мимоходом, и не тот, кто выпивал с ним, и даже не тот... Блудить пером по бумаге многие нынче охочи. Так и мелькают фамилии: Заболоцкий, Пастернак, Ахматова...

Какая погода тарковская!

Автор сегодняшних притч-воспоминаний, считаем, имеет право на свое слово об Арсении Тарковском. Много лет они были знакомы, и именно ему, Евгению Золотаревскому, чьи стихи, кстати, опубликованы в № 20 «45-й параллели», посвящен автограф большого русского поэта. Строки Арсения Тарковского воспроизводим факсимильно.

Ангелу Евгению Золотаревскому с почтительной славой и любовью к его поэзии

23 мая 1981 А.Тарковский

Свои записи Евгению предварил вот такой преамбулой:

«С Арсением Александровичем Тарковским мы впервые встретились еще в середине 70-х. Переписывались, частенько я наезжал к нему в гости...

Почему из всего, что было, воспроизвожу эти эпизоды? Да кто ж меня знает!

Итак, зимой он с женой жил в Москве на Садовой-Триумфальной рядом с посольством Аргентины. Летом выезжал в Голицыно и Переделкино...

Скажу еще, что последние годы Арсений Александрович и Татьяна Алексеевна жили в Матвеевском, на даче ветеранов кино... Что-то типа дома старости...

ПРИТЧА ОБ ОТМЫЧКЕ

Тарковский был глубоко верующим человеком. Более того, я могу назвать его одним из крупных русских христианских поэтов. И не только послеоктябрьского периода.

Но если говорить о его поэзии, то при всей изысканности формы, необычайной красоте и точности метафор, поразительной глубине мысли его стихи казались мне усложненными и потому доступными пониманию лишь элите.

Свои собственные стихи, которые до сужие критики обзывали «кроссвордами», я и сам считал еще сложнее его стихов... Однако мог предложить читателям ключ к их тайному смыслу...

В поисках такого ключа к творчеству Тарковского я и отправился из Москвы во Псков.

По словам моего тогдашнего духовного отца Александра, там жил некий священник, входивший в десятку наблюдателей за правами человека в СССР.

А перед этим я изложил идею о воз-

можной передаче моей рукописи через этого наблюдателя в какое-нибудь зарубежное издательство Арсению Александровичу и его жене, Татьяне Алексеевне Озерской-Тарковской. Они начали дружно меня отговаривать, пугая всевозможными неприятностями. Но, видя мою настойчивость, уступили, махнув, что называется, на меня рукой...

В голодном Пскове я быстро нашел нужный частный дом и, ведомый его хозяином, поднялся на второй этаж — по деревянной лестнице.

Заговорил наблюдатель лишь за пологом, отгораживающим меня от него в огромной комнате. Одновременно что-то писал, листал нехотя мою рукопись и хулил Иоанна Кронштадтского. Сказал:

— В поэзии я плохо разбираюсь, но считаю, что ваши стихи «там» не пойдут. Очень простые...

О ночлеге и помышлять не стоило.

Уже на остановке хозяин сунул в руку пару талонов на проезд до автовокзала и спросил:

— А как вы относитесь к стихам Мандельштама?

— Прекрасный поэт!

Наблюдатель за правами человека помялся и:

— Дело в том, что Мандельштам жил у нас в доме... Не знаю, не знаю... Я к нему не очень-то... Сидел, видите ли, на шее у жены... Она в школе работала...

У меня на лбу выступила испарина и застучало в висках: «Я только что вышел из дома, где жил Осип Мандельштам!»

В горле пересохло, я заговорил, еле ворочая языком:

— Скажите, а после него у вас ничего не осталось?

— Знаете, все, написанное им, издано.

— Да я не про то... Может, калоши хоть какие старые... на чердаке... а?..

Но после Мандельштама в доме этого человека не осталось ничего!

«У Осипа Эмильевича стихи были тоже не из простых, — размышляя я по дороге в столицу. — А, может, сложные стихи — наша общая трагедия? Народ-то, вишь ты, не очень-то понимает?»

Но почему тогда наблюдатель сказал про мои стихи, что они простые? Сказал, как оскорбил...

Я уже корил себя, что не остался внаглую на ночевку во Пскове.

«Хрен с ним, с пом этим! — размышлял я. — Утром хотя бы кусок штукатурки отломал...»

Я тербил в кармане мятый оставшийся талон. Он, принятый от наблюдателя, был теперь, как измена. Нет, не Мандельштаму!.. Сложности и простоте...

«Искатель ключей!» — ворчал я на себя. И этот поганый талон стал для меня как ложный ключ, который только и подходил что к подпольной хате с падшей девочкой.

...Вскоре я уже жаловался Тарковскому. Арсению Александровичу в то время везло: его печатали грузины, и было устроено платное выступление в Киеве. Он курил свои любимые сигареты «Кольт» и пил приличный чай. Был воспрянувший духом, улыбающийся, подтянутый, с чудесным перстеньком на пальце.

— Да разве плохо, когда стихи написаны просто? — почувствовал он мне. — Это очень хорошо!

Но, однако, это уж слишком! И в то же время я почувствовал на мгновение, что моей ладони коснулся холодок того самого искомого ключа. И сказал:

— И такое я слышу от вас? А как же быть с этим?

И процитировал его стихи:

Куда вы плывете, в ладьях накренысь,
Косарь и псалтырщик, и плотничий князь?

— Это что — верх простоты?

— Конечно! — произнес Тарковский с удовольствием. — Это же я о Христе написал. — И протянул мне в подарок пачку «Кольта».

Я, как матерый ворюга, крепко сжал в руке долгожданную отмычку.

ПРИТЧА О БАНАЛЬНОЙ ДОРОГЕ

Как-то осенью я приехал в Голицыно, на дачу к Тарковским. Это была обыкно-

венная подмосковная изба с небольшим садиком возле нее.

Шли затяжные, хотя и не сильные, дожди, обильно питающие стынувшую землю. Потек желтый лист. Он был еще не ссохшийся, а тонкий и прямой.

Слоенный пирог осени (грязь, листва, дождь) уже парил туманом и неотразимо пах ароматами торжественного увядания природы.

А Тарковский любил, чтоб солнышко светило и на небе — ни облачка. В Ставрополе такое бывает нередко, и потому я мог информировать его так: погода у нас, Арсений Александрович, стоит Тарковская.

...Было еще рано, и я разбудил дачников стуком в окно.

Тарковский — со своей гипертонией — уходил ото сна долго, тяжело и болезненно. Я помог заварить ему чай. Почитали стихи. Говорили недолго. Мне нужно было на электричку и — в Москву.

Я пообещал Арсению Александровичу листья тутовника, который он называл ласково шелковицей, и плоды боярышника, заверив, что это лучшее народное средство при повышенном давлении.

Он вызвался меня проводить и, несмотря на увещевания, вышел в сад. Здесь время от времени гулко падали на землю чудесные яблоки.

Еще в комнате я заметил, что стены несколько угнетали его. В саду он ожил. Яблоки вызвали у него детский восторг.

Я вспомнил: «И круглого яблока круглый язык...» И показалось, что он мысленно общается с ними на этом «круглом языке» — как с живыми существами.

— Откройте свой дипломат! — попросил он и стал, ловко нагибаясь и виртуозно опираясь на костыль, собирать золотые плоды с земли и бросать в чемоданчик.

Мне было как-то радостно от его везучей ловкости, но и грустно.

— Арсений Александрович! Хватит... — пытался я остановить его человека уже в летах, потерявшего на правой ноге, больного. Но он весело смотрел на меня, пока не накалился яблоками в свое удовольствие.

Вышли за калитку. Я думал распрощаться, но он пошел дальше.

— Вон там, — показал Тарковский вперед костылем, — видите — киноафиша. Если под нее подлезть — вы минуете грязь и выйдете на асфальт.

Видно, воспоминания о детских озорствах придали ему сил, и он шагал еще и еще. Грязь на дороге была разворочена машинами. Опять начал моросить препротивнейший дождь.

У Тарковского был обыкновенный примитивный протез, но при всей неук-

Яблоки в моем дипломате молчали до самой Москвы.

Тарковская погода еще не царяла в России...

ПРИТЧА О ЮБИЛЕЯХ И ОСИНОВОМ КОЛЕ

Приближалось 25 июня. День его рождения. К Тарковскому заходили улыбочивые друзья, поклонники. Арсений Александрович и Татьяна Алексеевна пачками получали корреспонденцию. В правительственной телеграмме из Грузии его поздравляли как выдающегося поэта... Правительство России молчало... Но это все же был юбилей. Он любил свой день рождения. Это был юбилей!

— А ведь не напрасно, не напрасно, — говорил я, — Дева Мария, являющаяся детям в Югославии, выбрала 25 июня как праздник Владычицы мира!

Татьяна Алексеевна звала меня в свою комнату, показала даренные ей когда-то розы, которые, как чудесные талисманы, стояли у нее годами, высохшие, но не теряющие своей привлекательности. Показала полку переведенных ею книг. И сказала:

— А ведь у нас тройной юбилей! У Арсения Александровича, у его сына (она имела в виду, конечно, Андрея Арсеньевича, о котором она говорила, что некоторые его фильмы отмечены печатью гения) и... у меня.

— А что за юбилей у вас? — поинтересовался я.

— 20 лет назад мы перевели с подружки книгу Маргарет Митчелл «Унесенные ветром». Но в Россию приехал Гэс Холл, лидер компартии США, и сказал, что эту книгу в Союзе он не хотел бы видеть.

И вот теперь только ее издали. Правда, маленьким тиражом, но все же!

Я от души поздравил ее и пошел к Арсению Александровичу.

— А вы знаете, — сказал он, заведя меня, — когда-то в России была дикая, так называемая «живая обновленческая церковь». Так я знал митрополита этой церкви. Это был типичный вампир! У него была, видно, нехватка энергии. И он так иногда болел, что не мог подняться с постели. Так вот, к нему приходила его любовница (кажется, ее звали Варей), он брал ее за руку, отходил, и у него появлялся румянец на щеках! Она же после этого начинала болеть. Мне и хоронить его пришлось, — сказал он с отвращением. — Жаль, что не забили ему тогда осинового кола в сердце!

Я вспомнил что, по народному поверию, так должны поступать с мертвыми вампирами, чтобы они не шатались потом по ночам и не пили из людей кровь.

А живая обновленческая церковь, созданная под эгидой большевиков, чтобы вредить православию, была действительно мерзейшим явлением. Поэтому

На снимках: Арсений Александрович; поэт с женой, Татьяной Алексеевной.

мне было понятно не одование ласкового, доброго и сдержанного Тарковского.

И я подумал, что у нас у всех не тройной, а четверной юбилей. Ведь 25 июня — День Владычицы мира! Это Она хранит нас от всех «враг видимых и невидимых».

А вурдалаки ходили по всей стране, лезли в окна и подслушивали у дверей...

О, если бы мне пришлось кое-кого из них хоронить — я бы уж непременно воспользовался тем самым колом!

А похороны-то будут не сегодня, так завтра.

Ходатайствуй о нас пред Богом, Пресвятая Дева Мария, и храни!

Только про осинового кола не позабыть бы, унаси меня Бог!

Евгений ЗОЛОТАРЕВСКИЙ.
Фото автора.

СЧЕТ гамбургский

Она начала писать в 1940-х и опубликовала просто футуристическое множество пьес и романов. Она известна (в основном) как автор детективных историй, которые охотно и не без пользы автору публиковали различные журналы. Она получила премию Эдгара Аллана По за свои детективные сочинения. Среди наиболее часто переиздающихся произведений — «Кольцо вокруг Элизабет» (1942), «Невинный цветок» (1945), «Лучше тебя съест» (1954), «17 вдов из Сан-Суси» (1959).

Сборник рассказов

«Сокровища Шарлотты Армстронг» (1972)

вышел после кончины писательницы.

Большинство критиков, словно сговорившись, характеризуют творчество Армстронг короткой и маловразумительной сентенцией — она на долгие годы определила тот путь, по которому двинулось и движется так называемое «женское детективное» направление в современной европейской литературе.

Шарлотта АРМСТРОНГ

машины, поддерживая его коленом. Правой рукой она принялась шарить в пакете, наблюдая за машиной. Он выглядел ужасно и, казалось, был испуган больше, чем Джейн. И все же он был опешившим. Джейн проговорила:

— Мне ведь нужно найти ключи, правда?

— Кивее! — нож был направлен куда-то в область ее желудка.

«Он вполне способен на это!» — подумала Джейн. — Автомобилем можно пожертвовать — жизнь дороже!»

— Я дам вам ключи. Ведь вам нужна машина! Возьмите ее!

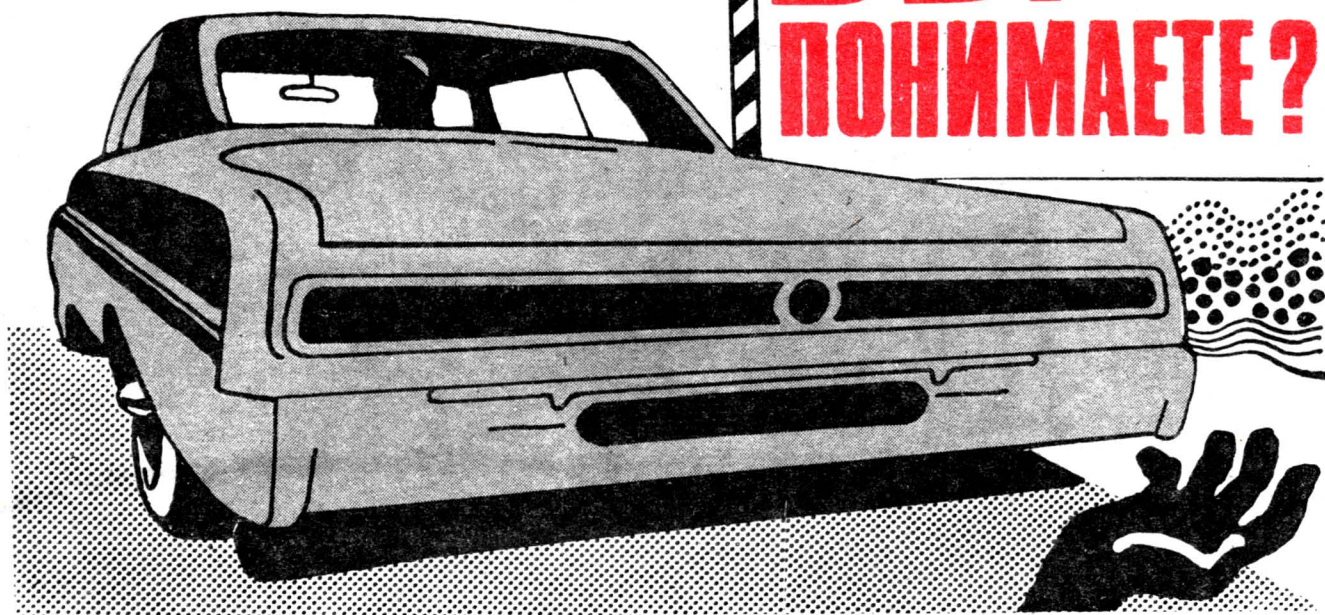
— Нет-нет! В машину, леди. Я не оставляю вас за спиной. Вы позовете легавых!

— Вы правы. Я, конечно, так и сделаю.

Джейн во все глаза смотрела на него, не отводя взгляда. Вся надежда, что у нее будет достаточно сил. Большим пальцем упершись в металлическую крышку, она, сдирая кожу, пыталась ее открыть.

— Вот! — торжествуя пробормотала Джейн и вытащила руку из пакета. Весь перец из только что открытой жестянки швырнула ему прямо в глаза, а сама бросилась на землю.

теперь ВЫ ПОНИМАЕТЕ?

Вокруг указательного пальца на ее правой руке была обвязана черная нитка...

Джейн оплатила покупки и посмотрела на большие настенные часы. Прекрасно... Успела.

Подхватив левой рукой бумажный пакет с покупками, улыбулась мальчику, предложившему свою помощь:

— Это не тяжело!

Протиснувшись в дверь, вышла на яркий солнечный свет, припоминая, не забыла ли купить что-либо важное.

На указательном пальце правой руки повязана черная нитка, которую завязал сегодня утром Майк. Черный цвет должен был напомнить о перце. Уже четыре дня, как у них закончился перец. Джейн перец не любила. Майк считал, что в этом-то все дело, что у нее нет стимула для покупки. Джейн постоянно вносила перец в список необходимых покупок, но, отправляясь в магазин, забывала взять список с собой. Поэтому Майк и обвязал ее палец черной ниткой: он сказал их дочурке Салли, что старомодные методы иногда самые лучшие, особенно, когда имеешь дело с такими старомодными дамами, как их мамочка. Салли подумала, что папочка — просто бунтовщик.

Улыбаясь своим мыслям, Джейн решила, что нитку снимет сегодня за обедом, со всеми полагающимися церемониями. Она была хорошей хозяйкой; конечно, всего она не могла упомнить, но что же из этого?

Джейн обогнула угол здания и свернула на автомобильную стоянку. Как странно, что всегда помнишь, где оставил машину! «Память — странная штука, — думала Джейн, — возможно, человек инстинктивно выбирает, что ему важнее запомнить». Она пересекла большую стоянку. Как обычно, там было множество машин. Кто-то искал место для парковки, кто-то, наоборот, уезжал. Рядом с ее машиной, загораживая проход, стоял мужчина.

Она подошла ближе и обратилась к мужчине в своей обычной дружелюбной манере:

— Вы позволите?

Мужчина отшатнулся и уступил ей дорогу. Вдруг он наклонился и прошептал ей на ухо:

— Не кричите, леди, или получите в бок вот это.

Он был тощ и бледен, с воспаленными красными глазами, и держал в руке весьма зловещего вида нож.

— Садитесь, леди. Вы поведете машину. И не вздумайте дурить!

Никто ничего не заметил. Вдалеке женщина в голубом садилась в машину. Джейн не закричала. Она спросила:

— Что вам от меня нужно?

— Делайте, что велено. Поехали. Я должен отсюда выбраться. Поехали, говорю вам!

Джейн совершенно точно помнила, что для нее сейчас важнее всего. Она прислонила пакет к

Человек взвыл от боли и, подавшись вперед, споткнулся и упал.

Джейн ползком выбралась со стоянки, кое-как обогнув незнакомца, и, наконец, поднявшись, побежала.

Люди остановились, некоторые подошли к стоянке, некоторые вышли из машин. Джейн побежала. К ней подскочил человек и спросил:

— Что с ним? Он здоров? Вызовите скорую!

— У него нож! Вызовите полицию!

Людей становилось все больше и больше: они выползали, как дождевые черви после дождя. Никто, однако, не рискнул приблизиться к бандиту. Все отводило глаза — все, казалось, говорили — «я здесь ни при чем», «не трогайте меня».

Женщина в голубом захлопнула дверцу машины и лихорадочно пыталась завести мотор.

Человек на стоянке уже поднялся на ноги: полуслепший, он оступая искал дорогу. Люди напряглись, но никто не двинулся с места.

Джейн побежала. Она побежала назад, в бакалейный магазин. Она звонила, когда человек, шатаясь, размахивая в воздухе ножом, натолкнулся на машину женщины в голубом и упал под колеса, в то время как она в панике безуспешно пыталась завести мотор.

Полицейские прибыли сразу же.

Все обступили Джейн.

— Как вы успели!

— Вы молодчина!

— Какая вы храбрая!

Джейн всем повторяла:

— Но я просто не могла поехать с ним!

— Он мог вас ранить, даже убить!

— Нет-нет, я бы не дала ему проткнуть себя — я просто не могла этого допустить.

— Как удачно, что вы как раз купили перец!

Джейн нетерпеливо отвечала:

— Да нет же, я придумала бы что-нибудь еще. Я бы наколола на его нож кусок говядины. Сколько сейчас времени?

— Я бы перепугалась до смерти, — воскликнула какая-то женщина.

— У меня не было времени для этого!

Женщина в голубом билась на стоянке в истерике. К Джейн обратился полицейский:

— Вы действительно действовали, мадам!

— Я бы хотела поехать домой сейчас, — ответила ему Джейн. — Вы можете поехать туда со мной и выяснять все, что вас интересует. Сколько сейчас времени?

— 3.25, мадам.

— Значит, мне НУ ЖНО ехать! Видите ли, моя маленькая дочь придет из школы через несколько минут. Дети не должны приходить в пустой дом. Теперь вы понимаете? Конечно, я не могла поехать с ним!

— Конечно, мадам.

Полицейский завел мотор своей машины, освободив дорогу Джейн.

Перевод Татьяны ОБАБКО (Ставрополь).

ВЫЖИЛИ

И я шагнул в другой мир. Безмолвный. Фантастический. Потрясающий!

Фоторедактор «45» решил прощупать 45-й градус северной широты: а как он выглядит, проходя по дну Тихого океана, туда дальше, к Японии? На берегу от важного исследователя ждала кружка пива. И он...

СТРАВИЛ ВОЗДУХ

— Главное — не паникуй! Не делай резких движений, дыши ровно. А если вдруг надумашь тонуть, то нажми вот этот клапан, и воздух тебя выкинет на поверхность.

— А что, бывает, и тонут?

— Бывает... Каждый год отправляем в ящиках...

После такого диалога вроде бы и поубавилось желания войти в царство Нептуна. Впервые в жизни. Но Тихий океан плескался у ног так тихо и ласково, а вечернее солнце так игриво бросало лучи в малахитовую зелень воды, что желание победило сомнения. Сергей, один из здешних водолазов, с трудом подняв гирлянду чугунных грузил, нацепил их мне на пояс поверх водолазного костюма.

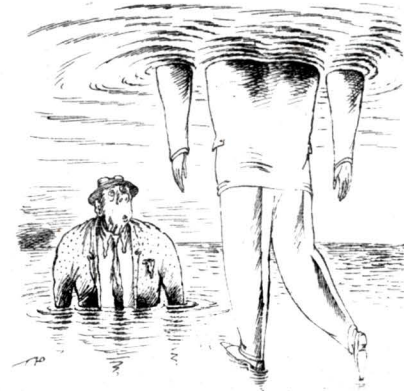
— Чтoб быстрее утонул?

— Нет, без них ты на дно не опустишься, воздуха в тебе много. Пожалуй, бы еще надо, но больше нет... Стравливай воздух вот через этот клапан.

К тому времени я от предвкушения испытаний забыл про другие клапаны.

Наконец я облачен по полной форме, за плечами болтается тяжеленный баллон с воздухом.

— Пошли!

Едва плетусь по гальке к воде. Надеваем ласты. Сергей сует в рот шланг, открывает кран, проверяет маску и слегка подталкивает в спину.

И я шагнул в другой мир. Безмолвный. Фантастический. Потрясающий! Сразу, без плавных переходов, вот она — граница — поверхность воды. Там солнце, воздух, земля, а здесь только вода и дно морское. Балдеешь от обилия всяких морских тварей, шныряющих перед маской. Звезды и гребешки, ежи и мидии, медуза, трепанги и рыбы разных расцветок. Вот он — неповторимый мир Нептуна, о котором до сей минуты знал только по книжкам да редким рассказам очевидцев.

От волнения забыл про все клапаны, и воздух уже действительно выталкивает на поверхность, куда совсем теперь не хочется. Подплывает Сергей, что-то нажимает у меня сбоку — и мы снова опускаемся на склон, довольно круто уходящий в глубину.

Старая железная кровать, бочка, какая-то грудка железа — все это уже с удовольствием обжито местными обитателями и лишь дополняет живописную картину дна. Белеет обрывок газеты. Подплываю ближе и беру в руки. «Правда». А из-под нее шустро уходит боком солидный крабик. Еще какие-то странички, но «45» среди них нет. Почему-то жаль.

...Где-то через часик подводной неведомости ваш корреспондент едва стоял на ногах, ощущая земную твердь, и сожалел о скоротечности этой удивительной экскурсии.

А веселые водолазы, развешивая на просушку костюмы, вроде бы искренне хвалили сотрудника «45» за смелость и выдержку и наливали в кружку пива — обмыть свершившееся. Ей-богу, только пива — охладиться после парной костюма. И без того был пьяным от увиденного и пережитого.

Александр ВОЛКОВ.

Рисунок Сергея ТЮНИНА (Москва).

ONLY FOR US

ВЫЖИЛИ

БОГ
НЕФТИ
ЕСТЬ.
И ОН
СКАЗАЛ:
КОПАЙТЕ
ЗДЕСЬ!

МУНИЦИПАЛЬНОЕ
ПРЕДПРИЯТИЕ

ПА
РА
С

— Коммерческие и посреднические интересы в сферах градостроения, производства продовольствия, торговли, санаторно-курортного лечения, туризма.

— Способствуем налаживанию контактов с Тюменской сырьевой биржей.

— Заключаем договоры на поставку продовольствия по коммерческим ценам, за валюту, а также в обмен на пиломатериалы, лес, нефтепродукты.

— Проведем переговоры о создании совместных предприятий по заготовке леса с дальнейшей его отправкой на Северный Кавказ.

— Строим свинокомплексы, обеспечиваем материалами строительство жилья на территории Северного Кавказа за счет финансирования Тюменской областью.

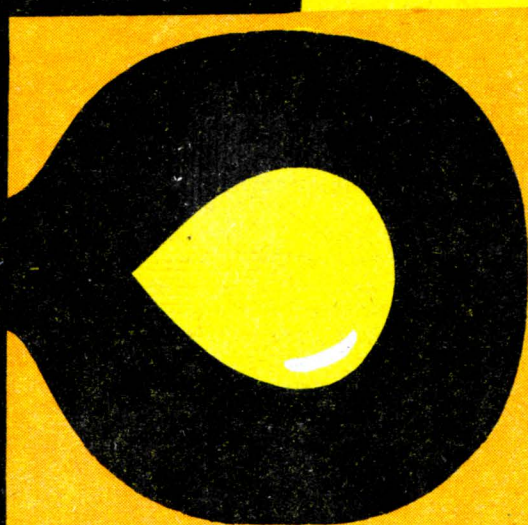
— Ищем солидных компаньонов для развития межрегиональной торговли и внешнеэкономической деятельности.

Основа сотрудничества — долгосрочная.

Учредитель фирмы —
ТЮМЕНСКИЙ ОБЛИСПОЛКОМ.

КОНТАКТЫ: 357524, г. Пятигорск,
ул. 295-й стрелковой дивизии,
д. 2, каб. 405.
FAX: 59.5.57
TELEX: 223111 «ПАРУС»
TELETYPE: 169110

Генеральный директор
ПАНТЕЛЕЕВ Петр Михайлович.
Коммерческий директор
ВИХАРЕВ Николай Сергеевич.

В 14-м номере «45-й параллели» мы рассказали о ныне почившем атамане первоходного казачества Василии Порфирьевиче Саничеве, об истории исхода в Турцию и возвращения на Родину казаков-некрасовцев. Появившаяся в пору небывалого интереса к казачьему движению, эта публикация вызвала большой резонанс. В читательской почте — многочисленные пожелания узнать новые подробности о славных потомках участников Булавинского восстания на Дону.

В нашем распоряжении любезно предложенный известным донским журналистом и литературоведом Юрием НЕМИРОВЫМ сокращенный вариант главы из его новой книги «Так далеко, так близко», которая готовится к выпуску в Ростовском книжном издательстве. Предлагаем это любопытное исследование вашему вниманию.

(Ставропольский край).

В 1962 году колония казаков-некрасовцев в Турции практически перестала существовать: ее обитатели вслед за теми, кто отправился в дорогу еще полвека назад, возвратились на Родину. Так завершилась более чем двухсотлетняя эмиграция добровольных изгнанных, выплывших один из главных заветов Игната Федоровича Некрасова: «Царизме не поклоняться, при царизме в Расаю не возвращаться». Но осталось еще немало тайн и легенд, связанных с жизнью на чужбине. Среди них — судьба атаманской наски и знамени Игната Некрасова...

— Насеку Игната, редкие старопечатные книги, знамя Некрасова мы хранили в церкви нашей деревни Кюджагель, — вспоминал Саничев в последнюю нашу с ним встречу. — Прямо над святыми воротами. Там же и мраморный камень стоял с инициалами «И. Ф.». Это значит — Игнат Федорович. Мой дед, бывало, говорил: «Это Некрасов камень. Берегите его». Да и то сказать, заслужил наш атаман вечную о себе память. Но мы-то ее не соблюли, погубили реликвию...

— Как это случилось? — переспросил Василий Порфирьевич. — Побеседуйте с Марией Родионовной, моей однофамилицей.

И вот я в доме на улице Мичурина в селе Новокумском, что на Ставрополье. Мария Родионовна, вернувшись с совхозного виноградника и сняв темный вдовий платок, рассказывает:

— Казаки пришли на Туретчину с пушками, саблями, со знаменем... Я это знамя своими глазами видела, своими рученьками ласкала. Оно у нас в доме хранилось, когда матушка моя, Мария Лукиньевна, его из церкви забрала. Она, мама моя, в храме служила. Прибирала там, свечки подавала, делала еще что придется... А в деревне нашей Кюджагель один злодей завелся, жалобы писал. Очень уж он православную веру ненавидел. Не нравилось ему, что мы с тем знаменем в праздник по нашей деревне ходили. В Троицу, на Пасху... И ведь что задумал, супостат?.. Наше знамя, святыню нашу, украсть — вот что! А мама взяла да и спрятала его дома. Он про это узнал и не давал ей проходу: «Отнеси, женщина, знамя в церковь». Но мама не слушалась. Долго мы то знамя соблюдали. А потом все же отнесла его матушка в церковь. Не ведала, что заберутся туда нехристи после нашего отъезда да выкрадут и знамя, и иконы, и книжечку с Игнатовыми заветами нам, казакам. Вот ведь какая беда вышла...

Вскоре после тех встреч на ставропольской земле я отправился в туристический рейс по Средиземноморью. Особенно меня привлекало, что наш теплоход сделает остановку в Стамбуле. А вдруг увижу там знамя Игната Некрасова?..

— Боюсь, что это невозможно, — остудил мой пыл гид нашей группы Кюнеш Филолу. — Вы поставили перед собой нереальную задачу. Мне неплохо известен город, у меня есть знакомые среди музейных работников и православных священников, и я знаю такую их точку зрения: казаки-некрасовцы все увезли с собой.

Гид оказался прав: никаких следов Игнатового знамени в Стамбуле мне не удалось обнаружить...

Вернувшись домой, я встретился с известным ростовским фольклористом Федором Викторовичем Тумилевичем, который был тесно связан с некрасовцами, первыми переселившимися в 1912 году на Кубань. В его книге «Сказки и предания казаков-некрасовцев» есть и исчерпывающий, на первый взгляд, ответ на вопрос о судьбе Игнатового знамени. В сноске петитом напечатано: «Тихон Пушечкин, казак-некрасовец, знаток некрасовской истории, хранитель старого знамени Игната, печати, наски, старопечатного евангелия. В 1932 году он сдал в районный отдел НКВД знамя, печать, евангелие. Умер в 1936 году на 98-м году жизни».

Так, выходит, не мусульманские фанатики повинны в пропаже знамени, а казаки его увезли. Но когда и как?

— Наверное, со смертью старика Пушечкина оборвалась какая-либо возможность точно выяснить, подлинным ли знаменем он обладал? — спросил я Федора Викторовича. — Может быть, это легенда...

Разве могло так случиться, что некрасовцы, оставшиеся на чужбине, позволили немногим переселенцам, выехавшим в Россию в 1912 году, увезти с собой знамя Игната?

— Ни в коем случае! — воскликнул Тумилевич. — Но ведь была еще одна возможность прихватить с собой эту реликвию.

— Какая же?.. — не понимал я.

— Да просто украсть. Но, конечно, это был великий грех — совершить кражу в церкви. Значит, человек, который мог на такое решиться, фанатично верил, что совершает богоугодное дело, возвращая Игнатово знамя Родине. Под этим стягом казаки не только сражались с царскими войсками, но и шли с Дона на Кубань — на поклон к туркам... И слава, и позор — все с ним... Много легенд родилось вокруг знамени, и одна из них — как оно было вывезено в Россию. За правдивость не ручаюсь, — добавил Федор Викторович. — Знаю эту историю от новонекрасовских стариков с Кубани.

...Представим себе отъезд казаков на Родину в летний день 1912 года. Уложены пожитки по телегам, привязаны крепко-накрепко. Дорога предстоит неблизкая: до Константинопольского порта. Кажется, у отъезжающих и провожающих пролиты все слезы...

В самое надежное место определена копия Игнатового знамени. Сделала ее большая мастерица-рукодельница Татьяна Ивановна Капустина, тоже покидавшая Турцию. Отслужен на прощание молебен, лошади вот-вот тронутся. Только казаку Семену Агаповичу Каткову что-то не сидится. На минуту заскочил он в храм, ихватило ему нескольких мгновений, чтобы сорвать священное Некрасовское знамя с амвона и спрятать его в широкий пояс штанов. Потом, как ни в чем не бывало, вышел Семен Агапович на паперть и прямоком направился к телеге, где его ждали домашние.

Но пропала немедленно обнаружилась. Каткова обыскали и... ничего не нашли. Кто бы мог предположить, что прежде всего надо пошарить в брючном поясе? Однако устроить такое — значит насмерть соробить казака. И знамя, — судя по всему, то самое, подлинное, отправилось, как и его копия, в Россию.

А двадцать лет спустя, сданное «от греха подальше» дряхлым церковным служкой Тихоном Пушечкиным, оно оказалось у сотрудников Приморско-Ахтарского отдела НКВД. Время было горячее, классовая борьба в связи с коллективизацией сельского хозяйства резко обострилась, и кто же из чекистов имел тогда возможность поразмыслить над научной и художественной ценностью куска старой, истертой материи, которую принес перепуганный разными крутыми событиями на хуторе и окрест старик Пушечкин?

С тех пор знамени в Ново-Некрасовском никто не видел. Как и атаманской печати, и старинного евангелия...

Река бурного, сложного времени унесла эти замечательные реликвии донской старины в небьтие. И никого конкретно в этом сегодня не упрекнешь.

Но тогда возникает вопрос: так что же пропало у казаков-некрасовцев после их второго исхода из Турции?

Выходит, они располагали лишь копией легендарного знамени?

Вполне возможно. Однако вопрос о его подлиннике, об атаманской наске и старопечатных книгах не будет разрешен до тех пор, пока не докажем: они исчезли, и, скорее всего, еще в 30-е годы. Но можно ли с уверенностью говорить об этом? Вряд ли.

А какова же судьба той копии Игнатового знамени, которую вышила Т. И. Капустина и увезла в Россию в 1912 году?

Как ни дорожили ново-некрасовские старики произведением ее искусных рук, они, приняв уроженца Пензенской области Федора Викторовича Тумилевича казаки-некрасовцы, подарили ему свое сокровище. С 1957 года знамя хранится в фондах Ростовского областного музея краеведения.

— Я не считал возможным держать его у себя дома, — говорил мне Федор Викторович. — Тем более что вы не знаете еще одну историю. А суть ее в том, что житель хутора Ново-Некрасовского Господарев, проведав, что Пушечкин сдал свои сокровища чекистам, решил, будто их забирали силой, и вознамерился сохранить для потомства хотя бы копию старинного знамени. Ту, что вышивала Капустина... И вот, обмотав полотно телом, Господарев уехал с Кубани на Дальний Восток, занимался там привычным для всякого казака рыбальством и вернулся в Приморско-Ахтарский район только после войны. Копия знамени все это время была с ним. Как видите, мне доверили огромную для донской истории ценность, связанную с судьбами многих людей... И потому место ее — только в государственном музее.

В предании «Некрасовцы разделились на три части», опубликованном в одном из фольклорных сборников Ф. Тумилевича, читаем: «Ну, когда пришел Некраса на границу Турции, салтан просил Некрасу, чтоб дал он клятву. Тогда стрельнул Некраса в крест на знамени. Прострелил Некраса знамя, с того времени оно пробыло...»

Рассмотрим копию Игнатового знамени, которая хранится в Ростовском музее. На изнанке полотнища действительно находим белый старообрядческий крест, а под ним обшитое отверстие. Это полное соответствие преданию. Таким вот способом Игнат должен был подтвердить свою, говоря на современный лад, лояльность по отношению к султану.

На лицевой стороне знамени вышиты разноцветные квадраты. Вспоминаю, как толковал их Тумилевич: зеленый квадрат — это цвет надежды, желтый — тоска по Родине. Трехглавый орел тоже глубоко символичен. По центру — имеется в виду сам Игнат Некрасов, по бокам от него — ближайšie сподвижники и боевые друзья Драный и Гольи. Еще мы видим лабиринт красных линий, а в центре — два яйца. Старики в селе Новокумском объяснили мне эту символику так: яйца олицетворяют все живое на земле, а из лабиринта рано или поздно будет найден выход, и Россия вновь станет для некрасовцев родной матерью.

...Некрасовцы снова живут на исконной, горячо любимой ими земле. Равноправные граждане Российской государственности, они не забывают ни песен, ни исполненных поэзии и красоты преданий. И загадка Игнатового знамени — из их числа. Очень долго шли эти люди к своему Отечеству, и проявленная ими верность символу восстания, их сердечная привязанность к реликвиям мятежной старины — вот самое существенное в нашей истории.

А загадка Игнатового знамени пока остается...

Фотографию для «45» любезно предоставил сотрудник Ставропольского краеведческого музея имени Г. К. Праве Александр ПОГРЕБНОЙ.

ОГРАБЛЕНИЕ ПО-БОЛЬШЕВИСТСКИ

«Не гоните да не гонимы будете...» Увы, большевики, чьи внуки ныне стыдятся кровавых биографий дедов, не вяли простому и мудрому призыву, прозвучавшему после Октября 1917-го из лона русской церкви. О «художествах» комиссаров в кожанках, кажется, сегодня мы знаем предостаточно. Аи нет! Все новые и новые печальные факты всплывают.

В 1919 году кое-где уже «пошаливали» в монастырях и сельских церквях — главным образом в глухой губернке, где действия некоторых «товарищей» оказывались практически неподконтрольны губернским властям.

Репрессии, обрушившиеся на церковь, не были стихийными и неуправляемыми. Антирелигиозные акции четко планировались, расписывались по ролям: Троцкий, Каменев, Сталин, Молотов... В губкомы рассылались секретные директивы.

За несколько месяцев до выхода декрета об изъятии церковных ценностей патриарх Тихон обратился с воззванием к верующим бескорыстно помочь России. В короткий срок было собрано 9.000.000 рублей. Но правительство не устроило добровольные пожертвования церкви — это возмущало ее в глазах населения. Большевики же хотели унижить духовенство, а затем разгромить храмы и церкви.

Кошунственный, диничный документ появился на свет в феврале 1921 года — декрет об изъятии церковных реликвий, которые издревле считались на Руси святыми. Патриарх Тихон восстал. Вспыхнул конфликт... В общей сложности по России произошло 1.500 столкновений населения с отрядами красноармейцев, действовавших при комиссиях по изъятию церковных ценностей.

19 марта 1922 года Ленин пишет строго секретное письмо Молотову — о событии, происшедшем в провинциальном городке Шус, где люди решительно воспротивились ограблению Шусского соборного храма... В результате столкновения населения с красноармейцами с обеих сторон оказались раненые и убитые. После усмирения «бунтовщиков» комиссия вывезла из храма десять пудов серебра, расшитые жемчугом ризы, драгоценные камни и другие культовые ценности.

Письмо Ленина Молотову долго и тщательно скрывалось от общественности — слышком неправдоподобным был факт, никак не вязался он с привычно непорочным, сусальным образом Ильича. Это секретное письмо было опубликовано только спустя 68 лет. («Известия ЦК КПСС», 1990, № 4).

По стране прокатилась мутная волна судебных процессов над духовенством. В 1922 году расстреляли свыше 8.000 священников. А сколько их оказалось за колючей проволокой, знает разве что Бог.

Данные о результатах широкой кампании по изъятию церковной собственности уже через несколько лет были скрыты за семью печатями. Вот какие, к примеру, цифры удавалось почерпнуть из архивных документов, старых газетных подшивок. К 1 апреля 1923 года было изъято: золота — 60 пудов, серебра — 48.000 пудов, бриллиантов и алмазов — 33.456 тысяч штук (1.313 карат), драгоценных камней — 1 пуд 34 фунта.

Небывалый за всю историю России грабительский набег на церковь по весьма условным подсчетам принес новому правительству 8.000.000.000 рублей — по курсу того времени. Вэтом нет ничего удивительного. Ведь многие драгоценные изделия дарились церкви царями, князьями и стоили баснословно дорого. Например, только две митры из Киево-Печерской лавры оценивались крупнейшими специалистами в 100.000.000 рублей. Где они теперь, эти уникальные реликвии? Доподлинно известно лишь, что из астрономической суммы награбленного на оказание помощи голодающим, которых в общей сложности насчитывалось до 20 миллионов человек, достались крохи. По мнению ряда исследователей — всего лишь один процент.

Варварское изъятие ценностей русской церкви и тайна их спецраспределения относятся к самым мрачным страницам в истории первых лет большевистской диктатуры.

Вячеслав НИКИТИН.

Кисловодск.

Татьяна — студентка Ставропольского государственного педагогического института. Факультет филологический. Стихи пишет с пятнадцати лет, а сейчас ей — двадцать.

Татьяна поэзия — птица ночная. И летит эта птица к морю, молодому и дремлюму, в котором, как в вечности, отражается печальная и магнетическая луна.

Боль — причина полета — отпускает на миг написания стихотворения, чтобы, излившись в строке, снова наполнить собой душу поэта.

* * *

В центре города человек
шепчет имя,
Я просыпаюсь от его дыхания
на окраине,
Луна — круглолицый Монгол
знает тайну.
Почему говорят, что на свете
нет Бога?

* * *

Я вспоминаю море.
Мне снится старый блюз.
Там комендант в запое
Не весел и обрюзгл.
От полуночной скуки
Он бродит черте-где.
И даже твои руки
Покойны на столе.

Как гордый Храм Успения
В могилах и крестах.
Я только краем зрения
В несбывшихся мечтах...

* * *

Я любила мальчика-еврея.
Он округлой азбукой тетрадь
Исписал по-детски. Я не смею
Его имя долго вспоминать.
Желтый город, говором лелея,
Вразрядку — русский и иврит,
Петаш-Тиква — город Иудей —
Мальчика навечно сохранит...

* * *

Все было сказано давно.
На дно стакана
Молчанье устремлялось наготой.
Лохмотья его висли над диваном
И над тобой.
Ночной автобус желтым светом бредил,
А я кулон искала в темноте.
Как вышло, что попытки эти
Свелись к тебе?

* * *

Блудливый отключаю телефон.
Ночной божок забыт и обескровлен.
Единствен только твой дрожащий стон
Под этой кровлей...

* * *

Руки безвольно тебя узнают,
Я, как и ночь, слепа —
Это квартира, это приют,
Это четыре угла.

И чей-то голос уверял:
«Твой шаг, как боль, — одни потери,
Твои забытые друзья,
Тобой захлопнутые двери».
Такое снилось ли Дали
В обворожительном кошмаре?
На самом краешке Земли
Стояла девочка на шаре.

* * *

Тебе грозили войны. Я молчала.
Ты наблюдал, как диктор, из пространства,
Мое столетье с кровью обрывало
Все отвлеченья, тяготы и шансы.
Тебя ломало время. Я молила:
«Увидеть бы в последующем столетьи,
Все реки улеглись к дельте Нила,
И Солнце заходило на рассвете.
Но я любила так же, через годы
С лицом,
обременным маской Сфинкса,
Я столько раз переходила воды
Забвений Стикса.

* * *

Во сне опять себя не узнаю,
Там из зеркал чужие смотря лица,
Там суждено мне заморочно биться
О зеркала, одетые в броню.
Проходят мимо люди. И они
Зовут меня по имени. Я знаю
Их голоса, но все же забываю
Ответить на прощенье: «Помяни...»
Иду, не спотыкаясь в темноте,
Едва сливаясь с общей толпой.
И остаюсь всегда сама собою,
Себя не узнавая в этом сне.

Там промежуток света
Не равен сумме числ.
И продолженья лета
Теряет всякий смысл.

* * *

Черное море. Плохими домами
Берег накрыт. Пополудни ложится
Белый народ на нагретые камни,
Солнцу подставив застывшие лица.
Три хоккеиста прославленной сборной
Тянут московские длинные ноты.
Тянут протяжно, как воду из горна,
Скрыв нерешительность краем зевоты,
Море гребут к себе сильные руки.
К центру безумья, безумные тоже,
А в наказание — жгучие муки —
Солнца ожоги на душах и коже...

* * *

И если ты считаешь, что уже
Достаточно смотреть куда-то вправо
Червленными глазами Фаберже
Сквозь плоскости столетий и дивана,
Чтоб приручить меня. Пунктиром путь
Намечен по затоптанному полу.
И стоит его влево крутануть,
Мы там с тобой едва-едва знакомы,
Ты на морозе куришь «Беломор»,
Я прохожу совсем в другом районе.
Послушайте, любезный, до сих пор
Что держит вас
в чужом холодном доме?

Я, как улитка в ракушке губ.
Слышишь, мой голос слит
Морем с органом домашних труб,
Хором церковных плит.
В окнах без стекол, в окнах без слез
Виден зрачок Луны.
Руки мои — напускатели грез.
Это всего лишь сны.

* * *

Сажу на лоджии. В окне
Два дерева — живое с мертвым.
Курю и некурящей мне
Довольно плохо.

Так жизнь идет. Так этот год ушел, а я не изменилась.
А было б все наоборот — я б удивилась.

Так, оный день описан от руки —
15 марта — день тумана.
Предметы непродуманно легки,
Штрихованы заоблачно и странно.
Так, светофор, унылый Дон-Жуан,
Хранит следы Вселенского веселья.
Тем цветом, коим добрый старый Ван
Гог писал свои произведения.
Следы прошедших мимо голубей
Напоминают вязь творений Сартра.
Им стоит только
вслед промолвить: «Эй...»
Они летят в 16 марта.
Так, оный день описан от руки...

* * *

Приходят старые друзья. Как в склеп.
Спокойные приходят.
Но звуки выживших мелодий
Не уместит рука моя.
Затылок выбрит. На палас
Осколок флейты — это детство.
Ни мне уже не отвертеться,
Ни силам, выверившим нас.
Мы наблюдаем свысока
За небом, прячущимся с краю.
Глазам столетья доверяю,
Ослепшим в прошлые века.
Друзья уходят через дверь.
На склепе гладкие морщины.
И не друзья теперь засим мы,
Но кто теперь?

* * *

Я знаю, центром города
Ознаменован путь.
Как Храм Андрея в золоте,
Я в жизни как-нибудь.

На мертвом не растет листва,
На ветках птицы, не качаясь,
Не возрождают. Что весна?
Я наблюдаю.
Внизу прохожие спешат.
Их голоса, как ветер в трубах.
И мне неловко во сто крат
Их слушать.
Читаю Бродского. Блокнот
Лежит, как ангел, на колене,
А я совсем наоборот
В смятении.
Так жизнь идет. Так этот год
Ушел, а я не изменилась.
А было б все наоборот —
Я б удивилась.

* * *

Может, брошу курить в октябре,
Может, брошу любовников. Тем
Обозначив в осенней поре
Только брешь. Мне встречается дем —
Он идет по аллеям, гоним
От людей, от меня, как всегда,
А за ним только дым, только дым
И тройная на небе звезда...

* * *

Мне снилось детство. Я была —
Как много позже. Одинока.
На небе Солнце и Луна
Взошли едино от Востока.
Был странный месяц января.
Мир рассыпался на осколки.
Глаза печально (и не зря),
Пугали взглядом из-под челки.

Что должно замуж выходить.
(Вот и сказали. Слава Богу!)
Кому бежать, кому водить,
А мне пора, пора в дорогу.
Ведь год назад (и так давно)
Я приезжала к вам на море.
Я приезжала к вам на море.
Дрянное, теплое вино
Мы пили. Все-таки я горе
Вам принесла. Но в наш-то век
Кому кто горя не приносит.
Я помню ваших добрых век
Тогда касалась нежно осень.
И после шторма пляж пустел,
На гальке водоросли тлели,
Непроходимо-белый мел
По виду смахивал на гелий.
Так гениально было там —
У моря пьяного ночами —
Ведь год назад. Гроша не дам
Тому, кто будет между нами...

* * *

А снег белее полотна
Не ощутимей пуг,
И светофор хранит едва
Трехмерный свой сосуд,
А у людей в воротниках
Потеряны слова.
И о делах, и о себе
Сперва.
Больной художник у перил
Роняет акварель.
Он тоже в этом мире жил,
Заснеженном теперь.
И на снегу, как на листе,
Он пишет. (Первый раз!)
О том, как можно жить. Уже
Потерянным подчас.

ВСЕ ЛЮДИ ПРОРИЦАЮТ В ЗЕРКАЛА
Замученно, без скорби и без фальши,
Потом уходят дальше, дальше, дальше,
И след их пропадает навсегда.

* * *

Хочется безвозвратно встать
опять на колени,
Просить три ладони ветра,
ладонью укрыть висок
Большой отцовской. Мама
Рядом, но так же больно
За пальцы в немых ладонях,
За ветер, за нас троих...

* * *

Я затоскую по рукам матери,
Ночью приснится ее улыбка.
Со мной разделит прощание Вечность.
Гроб саркофагом застынет в Египте,
Ноги ее обуют в сандали,
Глаза покрасят сурьмой, закроют,
А я буду ждать ее здесь
Так долго...

ПИСЬМО ТАТЬЯНЫ

Я вам пишу. Уж год назад
Я приезжала к вам на море.
И дядя (с тетей) был бы рад
Меня к венцу свести, но горе
Я приношу. Удача мне
Уже не светит в этом мире.
И сняты зеркала во сне
На всех диванах в их квартире.
Одни толкуют — это смерть,
Другие свадьбу предвещают.
Но если трезво посмотреть,
Так все одно. Мне намекают,

ШАЖС

Будем в форме. Вы и мы. И начнем с разминки. Вместе пробежимся. Мысленно и по звездному списку нашей многострадальной эстрады. Не запыхались? Мы — ничуть. Список то коротенький. С разминкой покончено. За дело? За дело. Кому из вышеуказанного списка соответствует крылатое — «такие люди, и без охраны»? Думайте. Еще думайте. Ну? Нет. Думайте снова. Фамилия из восьми букв. Первая «Г». Последняя «В». Горбачев? Неправильно... Ну? Молодцы. Конечно же, Газманов. Олег не из тех людей, от кого следует охранять народ.

— Олег, ты такой маленький, худенький. Проблемы с питанием?

— Как и у всех советских людей. Это я в шинели по телевизору выгляжу большим. На самом деле я небольшого роста. Песни вот только большие получаются.

— Ну, а если не в шинели, то кто «делает» тебе сценический костюм?

— Он у меня очень простой. Штаны. Белая рубашка. Ботинки. Сейчас вообще в майке выступаю, иначе тяжело «одолеть» стадион. Я ведь обычно работаю с полной отдачей.

— А Хавтан в одном интервью назвал тебя монстром «фанерной» попсы. Какие у тебя вообще отношения с коллегами?

— Немногого стоят высказывания людей, которые никогда не работали со мной в одной программе.

— Что у тебя впереди? Есть ли какая-либо мечта, желание заветное? Малинин, например, высказывался, что не прочь стать народным артистом, как Кобзон.

— Я Кобзона очень уважаю, но быть «народным», как он, желания не возникало. Народный, в моем понимании, это артист, на которого ходит народ.

Как-то в Питере после концерта подходит ко мне женщина и умоляет со слезами на глазах поехать с ней в какую-то конюшню или на конезавод.

Дело в том, оказывается, что их организации не хватило самой малости до полного разорения. Не хотел народ на лошадях скакать. А после выхода моих «Эскадрона» и «Есаула»

отбоя не было от желающих записаться. Такие дела.

Но продолжим... Я не на шутку испугался. Вдруг коня подарят, в знак благодарности. Куда мне его? И так шапки да шинели чуть ли не на каждом концерте дарят. А я ведь живу в Москве в двухкомнатной квартире. Охраны у меня нет.

**«ЛЮСИ»
НИ ЗЕ СКАЯ**

**ВЫЗ
ДАЙМОНОС**

— Две звезды в двухкомнатной квартире. Кстати, кто кого вывел в звезды, отец сына или наоборот?

— Первая моя известная песня — «Люси». Тогда мало внимания обращали на композиторов, но у профессионалов возник вопрос — кто

По-глобальному я буду счастлив, когда страна пойдет наконец по нормальному капиталистическому пути.

написал «Люси»? Я выходил на сцену с Родионом, потому что боялся — вдруг что-нибудь вытворит. Микрофон, допустим, ломает... Он еще совсем маленький был.

Ровно год я пробивал песню на телевидении... А потом общество охраны собак, видимо, посчитав, что я достаточно сделал для дела защиты животных, приняло меня в почетные члены.

— Оно, конечно, почет. Но звездная жизнь влетает в копейку.

— В копейку... Если разобраться, я работаю на свои новые песни. Чтобы раскрутить одну — записать фонограмму, пробить в телевизионном эфире брешь в удобное время, — нужно шестьдесят тысяч наших деревянных. У меня 100 песен. Дальше продолжать?

— Не стоит. Я дома в столбик умножу. А чем ты увлекаешься «за сценой»?

— Люблю читать. Нравятся Марина Цветаева и Юрий Левитанский. Сам пишу стихи. С удовольствием и подолгу кручу баранку собственного автобуса. Ну, а когда вообще делать нечего, начинаю воспитывать Родиона. Ставлю его в угол, беру ремень и лулаю часа по два в день.

— «Звезда с звездой говорит...» как завещал великий Лермонтов. Короче, держишь сына в форме. А сам?

— Я серьезно занимался спортивной гимнастикой. Никогда не курил. Теперь новое увлечение — футбол. Я участвую в полуспортивном, полурекламном проекте. Сборная нашей страны по футболу и сборная Италии среди певцов-композиторов.

— И кто ты там?

— Кажется, полузащитник. А мои партнеры Юра Лоза и Крис Кельми — просто герои сопротивления ветеранам «Спартака».

— Значит, тебе не тяжело нести двойную ношу?

— Дело в том, что я никогда не задумывался, как мне ее нести.

— Олег, ты счастлив?

— Очень сложный вопрос. Счастье такая штука, которая длится несколько мгновений. Потом уходит. По-глобальному я буду счастлив, когда страна пойдет наконец по нормальному капиталистическому пути, потому что все мои победы не дают долго быть счастливым.

— Чтение «45» — это чтение...

— Я понял. Мне действительно очень понравилась эта газета и желаю ей и впредь быть такой же независимой и искренней. Это сложно. Но надо.

— Благодарствуем.

Эскадронам вопросов гостя атаковал
ГЕННАДИЙ СОЛОХА.
Эксклюзивно для «45».

ИНСТРУМЕНТЫ ЧУДА

Истинная доброта всегда граничит с самоотречением и далеко не каждому дается без боли.

Доброта в наше нелегкое, недоброе время — это то самое магическое средство, «которое нам ничего не стоит, но ценится дорого». Вы согласны с таким афоризмом? Я — нет! Истинная доброта всегда граничит с самоотречением и далеко не каждому дается без боли. Вот почему доброта — в разряде острейших дефицитов.

Представим ситуацию: вас обидели. Кто? Зачем? Почему? Где начало цепной реакции? Как безнравственно действовать, приговаривая: «Око — за око, зуб — за зуб». Трудно сдерживать в себе обиду, не выплеснуть на окружающих. Однако — человечно.

Вас обманули?! В ответ чаще всего вы реагируете однозначно агрессивно. «Я хочу так, а не иначе», — подсказывает эгоизм, и вы начинаете добиваться своего. Если и после этого вы не в силах достигнуть желаемого, то начинаете мстить: «Мне же больно!» И нет уже времени остановиться, оглянуться, вы обижены на собеседника, вы обижены на весь мир. Тут в игру вступает темперамент. Одни из нас могут долго, на повышенных тонах доказывать свою правоту, иные все же отказываются от спора и уносят боль в себе. Но и у тех, и у других портится настроение, и они несут эту бациллу дальше и дальше.

Во всей этой знакомой — до банальности! — истории есть тем не менее спасительный круг. Как только ситуация начинает разворачиваться не так, как хотелось бы, надо суметь на секунду остановиться, попробовать

проанализировать: «А что же все-таки происходит?» Тут возможно несколько ответов: вы могли переоценить себя, могли из-за недостатка информации неверно включиться в ситуацию, и нужно перестроиться в зависимости от новых знаний и т.д., и т.п. Минута, другая — и главное уже достигнуто: вы уже не раздражены, а задумчивы, по максимуму — одолели обиду.

Конечно, не всегда на этом все разъясняется. Может быть, был неправ ваш собеседник. Но даже в этом случае вы выиграли. Без обиды, без эмоционального переклеста на новом витке постарайтесь доказать свою правоту. Аргументированно и снисходительно к партнеру. Так проявляется мудрость, сохраняется уважение к себе. Разве стыдно быть мудрым и добрым?!

Думаю, что не только красота, но и доброта спасет мир. Надо только не пугаться быть не как все, быть не похожим на массу индивидуумом; личностью. В голову каждого из нас вбивали образ усредненного советского человека. С детского сада в нас растили весьма своеобразных потребителей, которые заглотят все подряд — несносные товары, бездарно-пошлые идеи, кровь, предательство...

Мне в лечебной практике часто приходится сталкиваться именно с таким наследством. И я стараюсь пробудить в человеке Человека. Оглянись вокруг, Человек, сколько рядом нуждающихся в твоей доброте,

уважении, любви, заботе, и так ли велика твоя личная боль по сравнению с чужой болью, и не уйдет ли она, не растворится ли она, когда ты сможешь стать кому-то нужным. Не замыкайтесь в своей боли, откройтесь миру...

Есть другая крайность: если ты мне помогаешь, если делишь мою боль, то и дели ее дальше, а я буду «сгружать» тебе ее пожизненно. Мне с тобой хорошо, а как тебе со мной — это не так уж важно. Главное — мне хорошо. Опять — потребляем! Но такие системы не могут быть стабильными, они изначально порочны. Можно и нужно помочь человеку выплыть из тяжелой ситуации, но дальше надо учить его плавать самого. Сам человек может с собой сделать то, чего не способны сделать с ним никакие чародеи. Человеческое сердце, душа, дух — вот инструменты чуда. Подкрепленные верой, любовью, надеждой, они могут все. «Душа обязана трудиться», — сказал поэт. И я к нему присоединяюсь. Многие, наверное, сочтут меня розовой идеалисткой. Ну что ж, я не в обиде. Я думаю, что с приходом Доброты наступит Царствие Божие на земле. И начинать его строить нужно в себе. Сегодня. Сейчас.

Наталья ЦЫБУЛЬКО.
Директор ставропольского товарищества «Феникс» по проблемам биоэнергетической информации в природе, член-учредитель Санкт-Петербургской ассоциации прикладной парапсихологии.

ВИДЕОАУТОТРЕНИНГ

Рисунок заряжен*

Я сосредоточиваюсь на рисунке, сливаюсь с совершенным, прекрасным телом Бога, телом Божественного Духа. Вокруг меня образуется защищающее и исцеляющее поле, несущее в себе Волю Божию, способное снимать слезы, порчу, проклятия, одержимость, исцелять физические страдания. Оно дает защиту от любых магических воздействий, неблагоприятных астрологических влияний, предметов, заряженных негативной энергией, любых существ, обитающих в тонком мире. Поле простирается в бесконечность во времени и пространстве и пронизывает все информационно-энергетические тела человека.

(В основе видеоаутотренинга — методика, разработанная ученым из Санкт-Петербурга Вадимом Поляковым).

* Рисунок № 1 помещен в № 20 «45-й параллели».

дин Председатель в своем кабинете? — Да, с-трех ночи. Бывает, что вообще не спит» (И).

«45», планируя серию встреч с главами ностановила свой выбор на вас. Вы первыми как теперь ясно, придется пройти нам всем. у профессора Витаутаса Ландсбергиса есть е, возможно, такое, где нет громкой музыианино, оказывается, имеется в официальнта, хотя от уютных городских кафе мы к завсегдатаям кафе. И даже просто к числу такого рода местам не замечал за собой

домашний... рый постоянно находится то на работе, то машинным тоже не назовешь...

Ландсбергис заявил, что среди русских в одея! Вы себе можете такое представить?! агент», кажется, нет ни в одном языке мира, переводчик ошибся?

лько он сказал именно так. Так и в газете (И).

т сюжет в телерепортаже из осажденного оворил Мстислав Ростропович. Находясь в и вооруженных людей, он счел возможным близкое, по его словам, знакомство с вами.

ровал с вашей супругой. Кстати, только в раз бывал и Солженицын. Вот, оказывается

Д еще до изгнания Мстислава. Моя жена нцертмейстером в нашем театре оперы и ргене преподает в Вильнюсской консерваич ставил у нас спектакль. Естественно, реписка, которая не прекратилась и тогда, го жены Галины Вишневской произошли ые с их высылкой за пределы родины. Будодолжал сотрудничество с нашим камернем профессора Сондецкиса. Были, к притали. А после январских событий в Вильал городу крупную сумму валюты для понтов...

в Международном обществе современной литвы принят и во влиятельную междунаренция попечителей новейшей европейсрессы).

ктеры (и бывшие собеседники «45») Нико-возглавили ведомства культуры. «Играю-Паулс. Общается ли с ними музыковед, агис?

— пока не доводилось. С Раймондом встреональные музыкальные интересы у нас в роче знаком с королями «чистого» искусствий Плисецкой. Надо сказать, что познакопри довольно необычных обстоятельствах. на Литовской киностудии режиссер Йозеф ленисе...

ла приглашена на роль в фильме, танцеваосмотр. Я же в этом фильме говорил всту— совсем немножко — играл на пианино...

сть, что лауреат Нобелевской премии ссылки на родину. Наша читательница в ученном ею 25 лет назад письмо, написанем будущий ссыльный делится мыслями о зузя!

и рассказывали обо всех вас, и я жалею, что ем 12-13 июля этого года я был в Вильнюсе мне придется еще там быть — я напишу емся. Меня трудно застать, я очень малое

у меня есть большой альбом его репродукница из Литвы), а в этом году в Каунасе я одукция этого и не представил... Я там ак ее понял: наши ничтожные земные посам, но высший астральный смысл. Поэтому свой шаг. Насчет меня не беспокойтесь: я есел...» прессы).

— Всех, кто побывал в Литве, поражает размах реставрационных работ на родине Чюрлениса. По этому поводу в Белоруссии ходит даже нечто вроде легенды. Она гласит, что когда (лет двадцать назад) в метрополии готовился проект Закона об охране памятников, проект был разослан в республики. В соседней Белоруссии, получив документ, начали уничтожать и те немногие памятники, что пережили войну. Литва же заактировала в качестве объекта охраны буквально каждый камень. В результате маленькая республика получила один из мощнейших строительно-реставрационных трестов, а ее большая соседка — пшик.

— Конечно, это только красивая легенда. Не знаю даже, насколько она ближе к истине, нежели дальше от нее. На самом деле за отреставрированными фасадами немало трудов, мук, упорства, головоломных проблем, которые нашим людям приходилось решать все эти годы... Нет, на блюдечке нам никто ничего не преподнес...

«23 октября при невыясненных обстоятельствах в Вильнюсе исчез портфель американского дипломата Н. Дарила. Кража была совершена в аэропорту или около гостиницы «Драугисте», куда дипломата доставила неизвестная машина.

По мнению некоторых источников, в портфеле, кроме прочих бумаг, содержалось приглашение В. Ландсбергису на открытие одной из библиотек в США... Нашедшего портфеля ждет хорошее вознаграждение...» (Из сообщений литовской прессы).

— Вы хотите, чтобы я это комментировал?! — глава парламента, оказывается, умеет не только улыбаться, но и морщиться. Ваш корреспондент начинает чувствовать себя певцом, который внезапно дал петуха в миланской «Ла Скала».

— Нас в данном конкретном случае интересует, разумеется, исключительно объект культуры, упомянутый в газетном сообщении. Если не секрет, что это за библиотека, на открытие которой вы приглашены?

Господин Председатель сообщает, что речь идет о библиотеке Рональда Рейгана. Как известно, бывшие президенты США, отойдя от дел, комплектуют такого рода культурно-научные центры. Они впоследствии входят в духовный обиход Америки. Открытие каждой такой библиотеки принято относить к числу немаловажных официальных событий. Однако Витаутас Ландсбергис, по его словам, вряд ли сможет поехать.

Звонит телефон. Мой собеседник, извинившись, отходит в глубину кабинета. Поздний вечер. Судя по интонации, разговор не содержит государственной тайны.

Юный охранник, чью двубортную грудь безуспешно пытается объять темный официальный пиджак, вежливо нависает над вашим корреспондентом, который, не теряя времени, заносит в блокнот детали обстановки высокого апартаментов: литовские триколоры, простенькое пианино в углу, роскошная ветвь засушенного растения, заключенная в раму под стекло и расположенная как раз в том месте, где у предшественников Председателя должно было помещаться нечто вроде портрета Ленина, репродукция картин, в том числе — композитора и художника М.-К. Чюрлениса, резная из дерева национальная скульптура, полукрытая дверь, за которой нечто вроде библиотеки...

— У вас осталось пять минут, — тихо говорит телохранитель. — Но телефонный разговор Председателя в это время не входит? — меркантилизирован ваш корреспондент.

Оказывается, и этот двубортный юноша умеет улыбаться. Улыбка звучит как соло для флейты среди грома ударных.

— Нет, — говорит сия юная Литовская Республика, — разговор в это время не входит...

Пробую чуть-чуть расшатать кладку: — Кстати, чье это фото в простенке? — Не знаю, — снова замолкает флейта. И удаляется на свои штатные десять шагов.

«Каунасский вундеркинд, четырнадцатилетний скрипач Вильгельмас Чепинскас, приглашен в Испанию. Здесь он будет играть во дворце испанской королевы в Мадриде, которая проявила желание послушать игру юного каунасца...» (Из сообщений литовской прессы).

Дай Бог тебе, мой юный друг, не оплошать перед Ее Величеством. Что касается вашего корреспондента, ему на память приходит давний рассказ товарища «Все об одуванчиках». Стоило обладателю волшебного зликсиропорожить свой флакон над любым объектом — и обладатель узнавал о данном предмете все. Герой рассказа долго мучился выбором, пока совершенно случайно не пролил драгоценную жидкость над полем, полным одуванчиков. «С тех пор он знал об одуванчиках все», — кончался рассказ, который так и не был, кажется, нигде опубликован. А его автор давненько уже в Америке... «Поле чудес». Финал. Суперигра.

— В «Братях Карамазовых» Достоевского в монологе Алеши говорится о таком впечатлении детства, вспомнив которое впоследствии, мы не можем не стать лучше. Помнится ли вам подобное, господин Председатель?

«Правильно, есть такая буква!» — слышится вашему корреспонденту... Глава парламента задумывается. ***

Над столиком, за которым идет беседа, парит цветочная композиция. Бледно-розовые гвоздики, декоративная, похожая на укроп, трава и экзотические цветы, точь-в-точь как сморщенные глянцевитые плоскоалые сердца размером с кофейное блюдечко.

— Разве что забота матери? — говорит господин Ландсбергис. — Я рос в Каунасе. Мама умела строго, но ненавязчиво сделать так, что становилось стыдно, если бы ты повел себя нехорошо... Да, именно это. Именно такое воспоминание.

Ваш корреспондент вспоминает заграждения и баррикады, которые придется миновать на обратном пути, и...не решается задать высокому собеседнику на этот раз действительно последний, традиционный для «45» вопрос о любимом анекдоте. Всему свое время и место: ведь и без тонких шуток не обошлось, не так ли господин Председатель?

Вот ответ — обаятельная улыбка: все было, главное — всего в меру...

Следует отдать должное выдержке хозяина, рабочий день которого шагнул за тринадцатый час: встает из-за стола он не раньше собеседника. Все трое выходим в приемную, где ждут у «Панасоника» очередники. «Мой» охранник подсаживается к телевизору. Его очередь передохнуть. С Рождеством вас, господин Председатель! AMEN.

Репортаж вел Марк ШКЛЯР, собкор «45».

Сообщения республиканских газет «Летувос Ритас», «Летувос Айдас», «Республика», «Эхо Литвы» и др. в промежутках читала и переводила Ольга Беззубова.

Фото Вигантаса БРАЙИСА («Республика»), специально для «45».

ВИАНИМЛ

Не мешало бы и политикам почаще интересоваться не только тем, что происходит под Солнцем, но и на нем самом. Есть версия...

Дыхание Солнца, не экранируемое в космосе атмосферой, таит в себе немалую опасность. Во время полета Светланы Савицкой задержка информации, отнюдь не по вине сотрудников станции, едва не стоила космонавтам жизни. Они вышли в открытый космос, не подозревая о мощнейшем выбросе на Солнце. Будь скафандры менее надежными...

Теперь линия графика солнечной активности неуклонно поползет вниз, число пятен на Солнце будет уменьшаться. Означает ли это, что мы миновали самый трудный, чреватый катаклизмами этап на нынешнем отрезке истории? Науки гелиоисториографии, гелиополиологии пока не существует. Серьезные ученые озабочены делами более приземленными. Астрологи же не вооружены теми мощными и точными приборами, которыми располагают коллеги Фатьянова.

Так что ответ, чем вспышки Солнца отзовутся на тех, кто занимает под ним место, может знать разве что черный кот, поселившийся с учеными на плато Шат-Жатмас. Огромный, лохматый, он не отходил ни на шаг, пока мы знакомились с солнечной обсерваторией, смотрел изучающе. Временами казалось, что кот — тот самый, из свиты Воланда: настанет день, и, надев кепочку, он скажет все, что думает о пятнах на Солнце, столь судьбоносных для всех живущих...

Олег ШАПОВАЛОВ.

Собкор «Комсомольской правды» специально для «45».

Владимир ВЕЛЕНГУРИН (фото).

«УРОКИ МУЗЫКИ»: Неожиданный постскрипtum

— 15 августа, — рассказывает научный сотрудник обсерватории, где мы побывали, М. Фатьянов, — мы зафиксировали возникновение обширного комплекса солнечной активности. Она нарастала и к 19 августа (начало путча!) достигла своего пика. Произошли сильнейшие изменения в центральной части светила, его влияние на ионосферу Земли было максимальным. Затем начался спад.

Вот так. А мы думали, виновато янаевское похмелье...

Влияние Солнца на психику, социальное самочувствие общества несомненно. Кстати, десятилетний цикл солнечной активности выявили не с помощью телескопа, а по... колебаниям цен на хлеб. Где недород — там и бунт. График солнечных всплесков и спадов за последние три столетия поразительным образом накладывается на исторические события. Его пики, как правило, совпадают с мировыми потрясениями, значительными эпизодами отечественной истории: Пугачевский бунт, Великая французская революция, реформы в России... На солнечном «острие» — и Великая Октябрьская революция, и вторая мировая война, и хрущевская оттепель. Апрель 1985 года пришелся на «впадину», наименьший уровень активности. Затем — скачкообразный подъем с пиковыми значениями, в 1990-м и 1991-м...

С плато Шат-Жатмас Эльбрус виден как на ладони, даже когда задернута шторка облаков. Но приборы ученых, обосновавшихся здесь, нацелены не на горы — гораздо выше. Объект внимания — Солнце.

Станция, основанная в 1947 году как филиал Пулковской обсерватории, — одна из немногих в стране, где Солнце наблюдается и изучается комплексно. Данные о солнечной активности, собранные на Шат-Жатмаса, ложатся в основу бюллетеней Пулковской обсерватории. Их ждут метеорологи, связисты, космонавты.

ВИАНИМЛ

— Шица!
— Ответа нет.
— Шица, сучье вымя!
— Ответа нет.

Гениально изобразив на лице крайнее раздражение, капитан тем не менее никакого раздражения не испытывал. Состояние его, вполне благодушное, таким же и осталось. Хотя кое-что все-таки изменилось.

Капитан вдруг сухо защелкал пальцами, явно пытаясь что-то вспомнить, и прищурился, отчего сразу стал похож на вздорного и к тому же не современного деньгами покупателя. Толи товар нужен был позарез, то ли цена показала себя подходящей, но покупатель быстро исчез, а прежний капитан улыбнулся и утвердительно кивнул. Во всяком случае, капитан не видел причин, чтобы не поощрить себя легкомысленной призовой игрой.

Настороженные, внимательно следившие за высоким тощим офицером нехорошие глаза не видели, как не спеша, несколько не повредив диагональной структуры хлопкового хаки, но, несомненно, осуждая его, мягко говоря, несвежест, в узкий бок капитана вошла тетушка Полли. Некоторое время она еще шуршала юбками /вероятно, старалась не измять/, устраиваясь поудобнее. Капитан слышал ее тяжелый вздох. Потом тетушка Полли обозвала своего ушлого племянника несносным мальчишкой, но как-то неубедительно, и угомонилась.

Когда капитан, в свою очередь, негромко, чтобы не напугать гостью, снова позвал «Шица!», голос его был совершенно чужой и совершенно старушечий. Призовая игра удалась.

Тетушка не была капитану в тягость, и он без особого напряжения таскался с ней по нескончаемому раскаленному лабиринту. Таскался долго и безрезультатно и уже начинал заводиться.

Капитан, сам того сначала не сознавая, шел на запах. Древний, но исключительно хорошо знакомый, а до недавнего времени просто родной. Уже по инерции капитан подумал, что бабуле, сидящей у него внутри, азиатский этот запах на пользу не пойдет. Так оно и получилось.

Строго приказав ей терпеть, капитан, приносиваясь, неумолимо приближался к источнику благовония, не без основания думая, что там все и

решится. Когда запах загустел и посуровел сверх меры, тетушка Полли, вероятно, с непривычки, мирно скончалась.

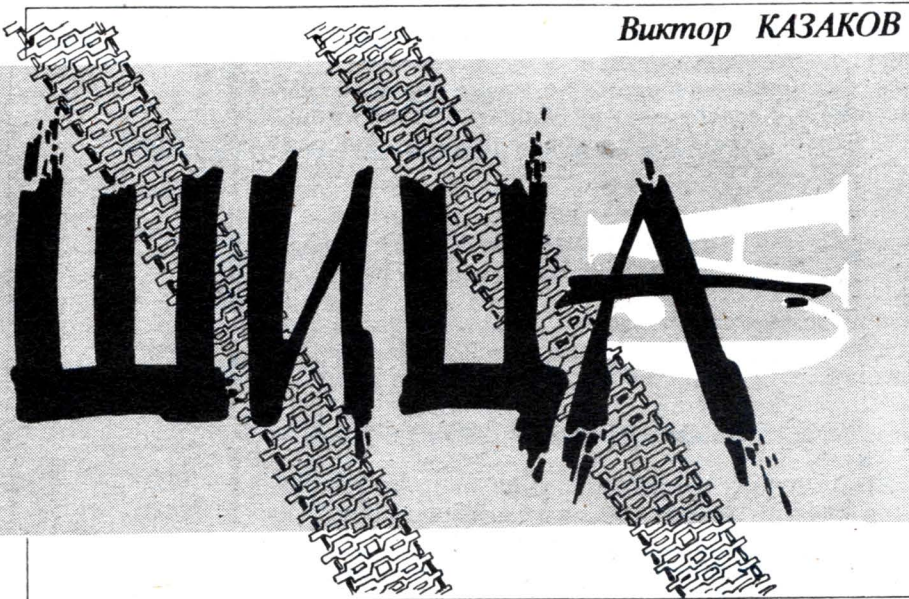
— Шица, сучье вымя! — медово пропел капитан. Никакой реакции не последовало. Шица по-прежнему сидел рядом с повзрослевшей сто лет назад Шахерезадой. Он выглядел глубокомысленным, но, как пить дать, ни черта не соображал. Его засушенная красотка, по-родственному делившая с ним пахучую начинку внушительного кальяна, была ему под стать.

Стесняться капитану было некого, и он отпустил на волю язык и голосовые

ком, впритирку. Капитану лечили левую руку, Шице — правую.

Шица спал целыми сутками, просыпаясь исключительно по делу — поест, в сортир и на перевязку. Да еще пройтись по палатам, собирая дань — снотворное, вот этой самой верблужьей походкой.

Капитан же взнуздан библиотекарьшу, и та откладывала ему нормальные книги. Когда его особенно распирало и когда Шица почему-то не спал, капитан начинал работу по его «улучшению», тренируя заодно дикцию. На любую книгу Шица реагировал с изнуряющим однообразием, и поэтому,

Виктор КАЗАКОВ

связки. Шица глубокая мысль мельчала на глазах. Он встал и нетвердым шагом, но с прежней невозмутимостью камня двинулся на выход.

Проходя мимо людей с настороженными недобрыми глазами, капитан пожелал им добра и поторопился своего найденыша неслабым пинком под зад.

Они шли к машине, качающейся в такт шагам, и капитан знал, что за его сутулой спиной точно так же качается потревоженный ими кишлак.

Оторвав положенное, капитан успокоился и уже по-доброму смотрел на шагающего расчетливой верблужьей походкой Шицу. Анаша здесь была ни при чем. Шица всегда так ходил.

В палате их кровати стояли рядыш-

глядя на него, капитан чувствовал себя Гансом Христианом Андерсеном, мудрым и добрым, но у которого вот-вот лопнет терпение.

Капитан не считал Шицу таким уж дурачком, но, тем не менее, читая «Похвалу глупости», нет-нет да и поглядывал на своего спящего соседа.

«...О тех, которые будут убиты, не стоит... и распространяться.»

Шица тогда пожал плечами и, почесывая раненую руку, пошел за снотворным.

Капитану его снотворное не нравилось.

...Они возвращались к своей машине, где их, наверное, уже заждались. Шица, как и всегда, шел сам по себе. Капитан нес теплый еще хлеб. Этот

хлеб дали люди с нехорошими глазами, и это их кишлак качался в такт шагам за его крепкой сутулой спиной.

— Шица, сучье вымя, — сказал капитан ни для чего, в воздух. Просто ему так захотелось.

Хлеб был из серой, плохо просеянной муки, но его, как водится среди оголодавших, нахваливали.

— Заводи, — скомандовал капитан, — по пути дожуете.

Черт, маленький, крючконосый и ушастый, заулыбался широким набитым ртом.

— А может, пальцем разок? А, товарищ капитан? Может, пальцем?

— Я тебе пальну! Я тебе, блядь, пальну, — как-то неожиданно нежно произнес капитан. — Все. Поехали!

Шица последним заполз на броню, и, став на четвереньки, сухо сплюнул.

Выстрела капитан не слышал, но видел, как Шица вздрогнул, поднял голову и недоуменно посмотрел на Черта. Руки его подломились, и он уткнулся лицом в липкую теплую жижу.

«О тех, которые будут убиты...»

Капитан, огушенный и ослепленный, бежал как от погони. Он петлял, припадал к земле, изредка подбадривая себя короткими злыми очередями. Он знал, что за ним следом привычным веером идут его бойцы. Каждый на своем месте. Он знал, что, выплюнув изжеванный мякиш, Черт сейчас разворачивает башню, что он будет долго и с остервенением палить в эту глиняную цитадель. Он также знал, что славы и проку от этого будет немного...

Через полчаса дело было сделано. Дымилась мертвая тишина. Почерневший капитан, тяжело дыша, уверенно шел по знакомому маршруту. Шахерезада сидела на том же месте и в том же состоянии. Не желая ничего понимать, она смотрела куда-то мимо капитана, мимой всей этой гончарной архитектуры. Может быть, она разговаривала с мертвыми.

Видеть ее было невыносимо. Капитан закрыл глаза и нажал на спусковой крючок. Выстрела не последовало. Магазины оказались пуст.

Устало сбросив с плеча автомат, капитан лег. Припал ухом к земле, словно надеялся услышать стук сердца.

На землю пала роса.

ПАЛНОРЫ
жизнь

Когда запах загустел и посуровел сверх меры, тетушка Полли, вероятно, с непривычки, мирно скончалась.

АФГАНСКАЯ ИКЕБАНА

Я достал оторванную руку, большую и жилистую, скорее всего — крестьянина, выстояв с полчаса в большой пулеметной очереди. Я пришел в свой сад, вырыл ямку и посадил руку посередине грядки, расправив скрюченные пальцы и лепестки фиолетовых ногтей; выскреб из-под них землю и засохшую кровь. Я обильно полил руку слезами матерей, удобрил землю гранулами пустых гильз, отпрыскав сверху ядом химического оружия... Я долго ходил вокруг, читая нудные «заклинания» из политзанятий, отгоняющие «злых духов». Я знаю, из оторванной руки вырастет дерево, и имя ему — Боль и Отчаяние. Оно даст обильные плоды нищеты и смерти. И когда-нибудь в жаркое время на ее измученных ветвях расцветет всем на удивление огромный красный цветок крови, аромат которого будет вызывать у всех вожжи-ление. И тогда я сорву цветок и швырну вам в лицо; ведь вы все это любите, господа!

Александр ПОСТОРОННИЙ.

Пусть забирают все мои вишневые деревья и едят их с маслом, намазывают на хлеб и распиливают на мелкие кусочки.

КАСТРЮЛЯ КОМПОТУ

Марина КОЗЛОВА

С. В. АНДРЕЕВУ.
«С той поры мы в зимних видах спорта делаем француза как хотим».
И. Иртенев. «Версия».

Компот будет вишневый. Но вишни будут с косточками. Потому что такой специальной давилки — чтобы выдавливать косточки из вишен — давно в продаже нет. А выковыривать пальцем — извини. Неэстетично, и — главное — долго. Поэтому надо быть внимательным и косточки выплевывать. Это, я думаю, всякому ясно. Кроме маленьких детей. Но маленьким детям никто и не варит вишневого компота. Им его нельзя. Он же получается очень, очень концентрированным. Может случиться диатез и всякая прочая экзема.

Ходит по двору экзема, за экзему коза. Дети, если вы — богема, буду драть за волоса.

Это Заболоцкий. Нельзя им вишневого компота. Им — лучше всего — из спелого ревеня. Он тогда получается бледно-розовым и непередаваемо пахнет навесь дом. Но компот из ревеня, вообще говоря, надо пить раз в год и вспоминать потом целый год. А это — обычный, тривиальный компот из вишен.

Насчет кастрюли. Это очень большая кастрюля. Ведер на двадцать. Во всем городе нашлась одна такая, но хозяин просил его не выдавать. По-моему, она служит ему для засолки ворованных астраханских арбузов: все знают, что каждое лето он ездит в Астрахань — воровать арбузы — и засаливает их целиком.

В такой компот можно залезть с головой при желании. Для того он и был приготовлен.

Чтобы залезть в компот с головой, надо взять очки для плавания и дыхательную трубку — чтобы дышать и выплевывать косточки наружу. В очках можно видеть под водой /т. е. под компотом!/, как плывут и оседают вишни с косточками — будто планеты, молекулы в сильно разреженном газе или что-то в этом же роде...

В такую кастрюлю входит весь урожай вишневого дерева средней величины.

У нас в городе вишневых деревьев навалом. Под их сень приходят французы /их у нас тоже в избытке, особенно по весне/ и восклицают:

— Ах, как жаль, что мы не говорим по-русски! А то бы мы попросили у вас пару деревьев и увезли бы к себе — во Францию!

— Так ну и берите! — радуемся мы. — Разве ж мы не понимаем?

— Но! — восклицают французы и горько качают своими буйными головами. — Так мы не возьмем.

Мы и так, и эдак, и суем им эти деревья прямо с корнями — нет, не берут. Принципиальные люди. Им ведь не деревья важны, а наша чудесная культура. Очень глупо с их стороны.

Надеюсь, ты уже понял, что дело не в компоте? Компот — он что! Он либо выпивается, либо скисает и выливается — исход один.

Дело не в компоте, а в способе его приготовления. Поскольку только он — способ — отчуждаем и передаваем и поэтому только он есть явление культурного порядка, в отличие от компота, вишневых деревьев и прочей дребедени.

Но, откровенно говоря, мой способ не очень-то и передашь. Ну как, скажи, объяснить, что для того, чтобы сварить кастрюлю такого компота, надо предвительно сварить стакан другого, но только чужого и непременно — нечаянно.

— Ничего себе, техника! — скажет любой мало-мальски понимающий в компотоварении и будет, черт побери, прав.

— Прав-то прав, — говорю я, — но иначе: если варить его непосредственно, впрямую, ничего предварительного не пролив, никакого компота не получится. Будет укус, вот и все.

— Ну, это вы бросьте! — скажет любой понимающий в компотоварении. — Из-за таких, как вы, наше искусство может захиреть.

— О да! — скажу я, бессовестно улыбаясь /как жаль, что я не говорю по-французски/. — Я готова заплатить штраф Лиге компотоварителей, только не лезьте, не учите, оставьте меня в покое, ей-богу!

Тоже мне. Выковыривают косточки пальцем и считают себя адептами. Пусть забирают все мои вишневые деревья и едят их с маслом, намазывают на хлеб и распиливают на мелкие кусочки. Все это уже не представляет для меня интереса. Компот сварен и будет тебе предъявлен.

Кастрюлю лучше всего поставить на пустыре, чтобы никто не пострадал, когда будешь сидеть и выплевывать косточки наружу.

Если же забредет какой-нибудь любопытствующий и постучит в стенку кастрюли, прекрати выплевывать косточки, вынырни и объясни ему, что это просто компот и ничего более — угрозы старикам, женщинам и детям не представляется.

Если же французы по недоразумению забредут, скажи им, что это наша русская баня. Они все равно ни черта не понимают. Поскольку доподлинно известно, что «француз разума не имеет и иметь его почитал бы за величайшее для себя несчастье».

Ф. М. Достоевский. «Зимние заметки о летних впечатлениях».

ПРЕДСТАВЛЯЮТ

Казус-Белли
как девичью фамилию Елены
из города Трои.

СПОНСОР: CROSNA ДЕКОРАТИВНАЯ.

Славная бекеша у Ивана Ивановича. Это не вопрос. Никто же не поперек. А вот не устерег. Таки уворовали. Гусак, право слово. Но это так, как-будто. Разговор, однако, поддержать.

А ввернемся мы в студию через рекламную паузу.

СОВМЕСТНИЧЕСКИЙ
ЛАТ-АРАБСКИЙ
«МУЭ-ДЗИНТАРС»

Уворовали, значит, бекешу, а в мире этом все как и до. С неугасимой настырностью казуарины выпускают свои побеги на радость вящую лысеющих пустынь. Над вышеозначенными / а порой — еще выше / древнейшими двудольными чертят замысловатости певчие казуары. И, не обремененные килем, протягивают свои трехпалые ноги сквозь совершенно иссиня-африканское небо и тычут в умоупоительном экстазе полета в грани и под ребра замшевевших пирамид, в которые уже так очень давным-давно игрались фараончики в пользу своих собственных /и даже личных/ цареобразных пап. Но вернемся к вашим казуарам. А казуары летят, косят лиловым глазом на и по сей день в унавоженную нильским сапропелем долину спешащих из-за разнообразных границ и рубежей всяческих фараоновых колен, дабы оные преклонить перед этим всем.

Рисунок
Петра
КУЛИНИЧА
(Сочи).

Одного не ведают казуары, как во влажной, ежли случись дождь или там капли животного происхождения, и темной глубинке продолжающихся пустынь не прерывают на обед свое кропотливое и такое нужное всем нам обогащение тверди своим чистым и благородным азотом клубеньковые. Но это все — одна казуистика. И ни в коем случае не две.

Мы ввернемся в студию через одну пару минут.

MAL-S клоп, да вонюч-с

Ввращиваясь в студию, мы успешно сорвали резьбу и затупили весь полностью резец. Он плакал, но мы не обратили внимания, ибо были обращены к рыболову с куканом, прося спички.

«Ноусэр, смокинг. Я есть фастен ё белтс», — прожестикнул он вслух у иссиня-синего моря. Вытянув из-за запазухи, явно, греческий овощ /кокос пальмовый/ и открыто проигнорировав откровенный взгляд наших несытных картофельных глазков, еще издали положил его в самую синь вод. Вот.

«Утонул греческий овощ», — подумали мы и сняли уборы. Но не здесь-то было. Вздывая бразды Атлантики, во всю свою породистую прыть маша плавниками, юля хвостом и руля килем, к самому берегу Тихого океана медленно и печально всплывал красавец Лосось. Рискнув жизнью, он тянулся своей узкой мордой лисьего лица в сторону нами обетованной земли, дабы наяву реально реализовать коммуни-ке местного Гринписа «О незамутнении отходами плодов околоплодных вод», то есть вып-

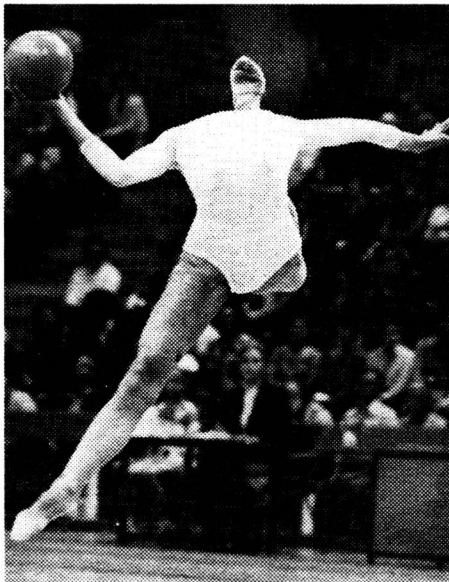
люнуть загодя непроглоченную кокосовую кость. — О-о-о-о! — взорал наш рыболов вдруг по-португальски и как со старта стал кидаться к Лососю с куканом «на перевес».

Устав еще за день до рыболовли, Лосось уснул, как и вся его родня, мертвым сном. Весь его вес спящего красавца вполне соответствовал весу красавца бодрствующего минус полусумма выплюнутой и непроглоченной кокосовых косточек. И был таков! И таковым должен остаться в вашей памяти.

НЕКРОДИН

ДИЛЕР ФИРМ НА ул. Погостной, 7
ТЕЛ. 2-12-85-07. Минипауза /еще раз/

Вы ждали нас в студии, и мы пришли. Аще наложу руки на сердце, никуда и не хотели. А поскольку нет, то да. Хотя все-таки, конечно, нет. Нет в смысле писемского дождя, поскольку не собрался, поскольку не успел. Позволяем себе напомнить вашей памяти, что у Гены Усовы в Первопрестольной по-прежнему

«С лица
воды
не пить...»

А посему так оно больше и будет. Иначе словами: поскольку наш вид видоизменяется, конкурс приказал нам долго жить, что мы и собираемся всерьез де-

лать в ближайшее — причем самое! — время. Живя, мы будем о нем помнить и не забывать.

Иначе словами: глядишь, и возродится. А напоследок вот вам всем именная фотография от имени фотографа — так зовется! — Лайва фон Дюремара «Ягодные места».

Или: «В ожидании Лосося и его косточки» /конец самоцитаты/.

ПАПЕРТЬ Лтд.

Предоставит: паперти портативные, мелочь.
В любой уголок.

Обращаться: Э. Хрониккер, все знают.

Напоминаем: Мы еще в студии. Мы в прямом эфире. И мы прямо на немецкой волне. И мы не одиноки. Внимательно смотрите ставропольскую карикатурку **Вовы Ненашева**, смотрите (то бишь!) пристально и слушайте пластинку. Фирменную.

Фоторепродукция Ивана **ОВСЯННИКОВА** /Ставрополь/.

Главный редактор «45» уже в который раз зарекается, что Гектор Букс, вышедший из его кабинета однажды в окно, в дверь никогда более не. Надежды юношей питают. И главных — тоже. А посему, попрощайтесь с «Фирменным казусом» и завладевшим оным Гектором Буксом, прародитель «45» облегченно вздыхает: ортодоксы русских, аглицких, немецких и лобо-французских языков перестанут бомбить редакцию письмами, открытками, телеграммами, телефаксами, ксероксами, телексами, а также телефоническими звонками, телескопическими очками... Прощай, Гектор. Прощай, пургомет в особо крупных размерах. Прощай, говорю я тебе, вытирая скучную мужскую слезу. С чувством глубокого удовлетворения...

DODGE

впереди которого, маяча шведскими фарами, ехал инкогнито из Стокгольма Тяни-Толкай по имени

ЛОГЛО

Кто понял, в чем кайф, поправит своей лайф. Мирные жужане, спасаясь от болезни им. Верльгофа /пурпур достиг своего апогея/ комильфо на сирых жмудских лошадях, а поскольку низкорослых и скороспелых, постольку выносливых и неприхотливых, взвякивая уздечками из высокосортного веркблея, направлялись в сторону Сан-Сальвадор-де-Жужуй, дабы превысить цифру 127 тысяч жителей. И мы бы всем прибывающим в подобных недодрягах и перетругах в меру советуем принять безотлагательные меры для уменьшения рисков серьезной десквамации.

А вдоль московской дороги Л., скажем так, **ТИШКОВА** были обочины, и на одной из противоположных некто по имени «Гектор Букс» уже вовсю пил, так и не догадавшись, «...что в вымени тебе моем?»

© «ГЕКТОР БУКС», ЕЩЕ БЫ

и
фирменный

Wer versäumt, der hat Narzismus
Und trieb ziemlich Kommunismus.

Morgen gibt's kein Katakismus —
Uhren ohne Mechanismus.

КАЗУС

и
фирменный

ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ

ПГМК

ЗАВОД ЗУБНЫХ ПАСТ

ЛИКРА

466220
ГОРОД АКТАУ
КАЗАХСТАН
ТЕЛЕФОН: 22-9-10
ТЕЛЕТАИП: 317722 «ВОЛГА»
ТЕЛЕФАКС: 21212

Кавказские Минеральные Воды. Пятигорье. Тому, кто побывал здесь, стоит лишь закрыть глаза, чтобы оживить перед мысленным взором неповторимую, поистине уникальную красоту этого уголка Ставрополя. Ни с чем не сравнимый ландшафт... Хрустальной чистоты воздух открывает бескрайние дали. Но что всего более врезается в память — это горы. В них здесь какая-то тайна: будто неведомый исполин растерял по равнине волшебные изумруды. Многих тлнули магнитом чудо-горы, многих одарили поэтическим вдохновением...

Эта гора имеет свою судьбу.

Вскричали истории ее название по-ло в результате столкновения грандиозных противоборствующих сил, когда весной 1395 года опустошительным ураганом по Северному Кавказу прошли полчища Тимура. В степи, между Терекком и Курой, он достиг золотоордынского хана Тохтамыш и нанес ему сокрушительное поражение. Тохтамыш бежал на среднюю Волгу, в Булгар. Преследуя его, Тимур дошел до русских земель и разорил Елец. На обратном пути он повел свои войска вверх по Кубани к горе Эльбурс (т. е. Эльбрус). «Могущественный Тимур со своими победоносными войсками несколько дней пробыл в Бештаке и окрестностях его,» — так повествует об этих событиях средневековая знаменитая «Зафар-Наме» («Книга побед») Шереф-ад-дина Иезди.

В книге Семена Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе», вышедшей в 1823 году, есть сведения о том, что «греки называли сие место Пентаполис». И еще одно указание на древних авторов содержится в книге И. Апухтина «Гора Бештау и ее окрестности» (Пятигорск, 1903): «Описание предгорий Бештау мы находим еще у греческих писателей Птолемея и Агатамара, которые говорят, что предгория Бештау благодаря чудным пастбищам, сливались прекрасною породою лошадей».

Первые сколько-нибудь подробные (и научные) описания Бештау стали появляться в печати с конца XVIII столетия, когда к Кавказским водам проложили путь российские ученые. Прежде всего следует сказать о П. С. Палласе (одна из книг его хранится в личной библиотеке А. С. Пушкина), который не только оставил живописный очерк местности, но и сам 13 сентября 1793 года совершил восхождение на Бештау, произведя с помощью барометра измерение высоты. «В середине возвышается над всеми, — сообщает Паллас, — пятая вершина, достигающая облаков. Она конической формы, с довольно острыми углами и такая острая у вершины, что на ней едва ли поместятся 10 человек... На вершине Бештау воздвигнута высокая пирамида из плоских камней, вокруг которой мы увидели ветви высохших деревьев. На камнях были начарапаны надписи на татарском языке... К северу и востоку от Бештау, насколько можно охватить взглядом, простирается обширная равнина. В ясную погоду можно увидеть даже Кизляр и Каспийское море.» (Перевод с английского И. А. Гориславского).

Не обошел вниманием Бештау и знаменитый Ф. П. Гааз (тот самый — «у Гааза нет отказа»), побывавший на водах в 1809 и 1810 годах. Он открыл ряд источников, которые и по сей день снабжают нас целебной водой. В 1811 году в Москве вышла его книга «Мое путешествие на Александровские воды» (на французском языке), где ученый посвятил нашей горе много интересных страниц.

Гааз дважды поднимался на Бештау. Известно, что его проводником в поисках железного ключа был кабардинский князь Измаил-Бей Атажукин (в будущем — герой одноименной поэмы М. Ю. Лермонтова). Ученый исследовал горные породы, сделал много ценных ботанических и климатических наблюдений. Наши «зеленые» охотно зачислили бы Федора Петровича в свои ряды. «Лишение последующих поколений необходимых ему деревьев можно сравнить лишь с кражей, — пишет Гааз. — Отказ от нужного в этот момент растения в пользу потомков был бы справедливым и честным...»

Как только Горячие воды получили известность в обществе и сюда потянулись вереницы повозок с желающими изведать их целебный эффект, — с тех пор пальма первенства в описании Бештау от русской науки надолго переходит к русской литературе. В нашей поэзии

первым певцом Бештау (и восходителем) был А. С. Пушкин. Побывав на водах летом 1820 года, он вскоре пишет из Кишилева брату Льву: «Жалею, мой друг, что ты со мною вместе не видел великолепную цепь этих гор; ледяные их вершины, которые издали, на ясной заре, кажутся странными облаками, разноцветными и недвижными; жалею, что не всходил со мною на острый верх пятихолмного Бешту...» Позднее в письме к Н. И. Гнедичу от 24 марта 1821 года Пушкин сообщает: «С вершин бесконечного бесчисленного Бешту видел я только в отдалении ледяные главы Казбека и Эльбруса».

В 1829 году по дороге в Арзрум Пушкин вторично побывал на Кавказских водах, где провел несколько дней, напомнивших ему пору юности. «С грустью оставил я воды и отправился обратно в Георгиевск, — вспоминает поэт в «Путешествии в Арзрум». — Скоро настала ночь. Чистое небо усеялось миллионами звезд. Я ехал берегом Подкумка. Здесь, бывало, сживал со

кесов. Как видно из записей, один эпизод романа — прогулка верхом — разворачивается близ Бештау.

Если легкое пушкинское перо впервые в нашей словесности как бы очертило контуры Бештау, то лучшая глава в его литературной истории написана Лермонтовым. Автор знаменитого «Героя...» несколько раз изображал гору на своих рисунках, лучший из которых, выполненный вместе с Григорием Гагариним, служит прекрасной иллюстрацией к стихотворению «Валерик». А в текстах Лермонтова название Бештау встречается девять раз.

Всем знакомы строки из журнала Печорина: «На запад пятиглавый Бешту синее, как последняя туча рассеянной бури...» На склонах горы раскинулся и лермонтовский аул Бастунджи, развалины которого поэт видел в детстве. К строкам «Измаил-Бей», где упомянуты Машук и Бештау, он сделал примечание: «Две главные горы». С этой поэмой связана одна загадка. Вот несколько строк из первой части:

В. Куликов.
Второ-Афонский
Успенский
монастырь
(реконструкция).
Акварель.
1990.

мною А. Раевский, прислушиваясь к мелодии вод. Величавый Бешту чернее и чернее рисовался в отдалении, окруженный горами, своими вассалами, и наконец исчез во мраке...»

Сюда же, на берега Подкумка, Пушкин приводит путешественника по России Онегина:

Уже пустыни сторож вечный,
Стесненный холмами вокруг,
Стоит Бешту остроконечный
И зеленеющий Машук...

В рукописях поэта сохранились отрывок и многочисленные планы романа, действие которого должно было происходить на Кавказских водах. Среди намеченных персонажей такие реальные исторические лица, как декабрист А. И. Якубович или «генерал-баба» Екатерина Ивановна Мерлини. В основе сюжета — любовная интрига с похищением, кавалькадами, дуэлью, нападением чер-

Темны преданья их. Старик чеченец,
Хребтов Казбека бедный уроженец,
Когда меня чрез горы провожал,
Про старину мне повесть рассказал.

Хвалил людей минувшего он века,
Водил меня под камень Росламбека,
Повисший над извилистым путем,
Как будто бы удержанный аллюю
На воздухе в падении своем,
Он весь оброс зеленою травой...

Росламбек Мисостов — кабардинский князь; поэма написана по следам реальных событий, происходивших в районе Пятигорья. Анакрутых склонах Бештау и по сей день можно обнаружить не один камень фантастических размеров и очертаний, но какой из них связан с именем Росламбека? Темны преданья их...

Почти все лето 1837 года в Пятигорске провел В. Г. Белинский. Принимал ванны, гулял, читал Сервантеса и Фенимора

... ТО ЛИТЕРАТОР ИДЕТ К ГОРЕ

Л. Хижинский.
Гора Бештау.
Гравюра на
дереве.
1940.

На запад
пятиглавый
Бешту синее,
как последняя
туча
рассеянной
бури.

Купера. Поначалу южный край произвел на него чарующее действие. «Кавказская природа так прекрасна, что неудивительно, что Пушкин так любил ее и так часто вдохновлялся ею», — замечает он в одном из пятигорских писем. Однако со временем то ли полуденная жара, то ли обилие процедур (Белинский принял 122 ванны) произвели совсем иной эффект: «Кавказ так надоел мне, — пишет молодой критик, — что теперь он как будто и не существует на свете для меня». Из Пятигорска он успел написать семь писем, по объему не намного уступающих, скажем, повести «Княжна Мери».

Побывал Белинский и в Железноводске. Легко предположить, что нога его ступала на склоны Бештау, ибо, как свидетельствует он сам, «никогда не чувствовал я себя так легко, никогда не был в состоянии ходить так много и на такие высоты».

Несколько лет на Кавказе провел Л. Н. Толстой. Потом он вспоминал в одном из рассказов «Третьей русской книги для чтения»: «Пятигорск так называется оттого, что он стоит на горе Бештау...» Название горы встречается в дневнике писателя за июль 1853 года. Известно, что у него была в Пятигорске подозрительная труба, которую он, покидая город, оставил на память доктору И. Е. Дроздову. Заманчиво представить, что именно со склонов Бештау будущий автор «Казарков» и «Хаджи-Мурата» наводил ее на Кавказские горы.

В 1896 году в Кисловодске побывал А. П. Чехов. Из окрестных вершин он покорила только Бермамыт — один из лучших панорамных пунктов северного Приэльбрусья. И хотя на Бештау его нога никогда не ступала, с этой горой в его творчестве тоже кое-что связано. Еще в 1888 году писателю стала известна легенда о происхождении гор Эльбруса, Бештау и Машука, и он собирался «вставить ее в повесть, где она послужит украшением» (письмо А. П. Ленскому от 8 декабря 1888 г.).

Еще одну страничку в литературной истории Бештау подарил нам В. Я. Брюсов. Летом 1896 года он пишет из Пятигорска А. Курсинскому: «Везде вокруг бугорки, носящие громкие имена: Змеинья гора, Машук, Бештау.

— Как! Это Бештау! Да это холмик какой-то!

Обидевшийся туземец сплюнет и спросит: «А как вы думаете, сколько до него верст?» — «Сколько? Ну, может, верста, минут десять ходьбы». — «Если к вечеру дойдете (разговор происходил в два часа) — можете считать хорошим ходоком».

Вскоре Брюсов вполне убедился в правоте туземца: прогулка вокруг Машука потребовала от него значительных усилий («пришел я домой чуть живой от усталости»).

Из писателей советского времени хочется назвать Бориса Пильняка, повесть «Штосс в жизнь», посвященную М. Ю. Лермонтову, и немеркнущий роман И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» («Дачный поезд, брэнча, как телега, в пятьдесят минут дотацил путешественников до Пятигорска. Мимо Змейки и Бештау концессионеры прибыли к подножию Машука»).

Когда-то Пушкин назвал Бештау новым Парнасом. Это высокая гора в Греции, на которой, как представляли древние, обитали музы. На склоне Парнаса находился храм, посвященный Аполлону. Напомним, что в былые времена и у самого подножия Бештау располагался Второ-Афонский Успенский монастырь. Теперь об этом говорят лишь остатки каменных стен да название озера неподалеку — Монастырское.

Ломать — не строить...
Судьба продолжается...

Николай МАРКЕЛОВ
(Пятигорск.)

Бедные, бедные люди эти звезды! Хищные фанаты отлавливают их в подъездах, рвут на части во время встреч и выступлений, не дают покоя ни в будни, ни в первопрестольные праздники. А что до журналистской братии, то здесь вообще — хана. Ехидные вопросики, неллицеприятные комментарии, архивные разыскания и все такое прочее. А еще страшнее — случись так называемая пресс-конференция, когда одного-единственного, неповторимого, распрашивает целый батальон незлых, в общем-то, но больно настырных профессионалов.

Мы решили (хотя бы на время) порвать с такой порочной практикой баланс сил, когда «все на одного». Вот вам пресс-конференция полностью наоборот. Со стороны неба — блистательная четверка звезд.

Сергей Юрский. Зиновий Высоковский. Георгий Менглет. Ролан Быков.

Суммируя, Быклет Вырский, простите за аббреви...

Со стороны «45» — ее спецкор, умеющий, к тому же, звезд любительски фотографировать.

— С чего начнем?

Быков: — С «Айболита-66»? В 1965 году делался этот фильм, в мае 1966-го он вышел в кинотеатре «Россия», на аншлагах три месяца, а потом сняли. Все мои картины были запрещенными или сначала, или потом. Причем они не несли в себе никаких политических «крючков», нет в них особой «остроты». Я не вижу этого ни в «Чучеле», ни тем более в «Айболите», ни в «Телеграмме». У нас есть справочники всех вышедших картин. Так вот, она там и не числится. Ее просто изъяли. А так как картина была выпущена и причин запрещать ее не было, кроме интрижных, то она четырежды прошла по телевидению! У князя Вяземского есть замечательное выражение: «На Руси есть спасение от дурных приказов — дурное их исполнение».

Менглет: — А я начал в Театре сатиры — с 1 ноября 1945 года. А если еще к этому добавить, что пока учился в ГИТИСе и проходил здесь практику, то, сами понимаете, — много. Я ведь уже был приглашен в театр Вахтангова, Рубен Николаевич Симонов дал мне великолепную роль Карандышева в «Бесприданнице». Я уже репетировал... Но ушел. В общем, ушел из меркантильных соображений.

У меня в Москве было очень плохо с квартирой. Мы впятером жили в девятиметровой комнате коммуналки. А тут мне звонит директор Театра сатиры Борис Михайлович Филиппов, такой знаменитый домовый. Он был и директором Дома актера и Домалитераторов. Он и говорит мне: «Хотите у меня в театре работать?» — «Хорошо, — говорю, — я пойду. Квартира будет?» — «Будет». — «Когда?» Он говорит: «Через две недели». Я согласился. Так в ноябре 1945 года я перешел в Театр сатиры. А через 11 лет получил и квартиру... И это было тоже весело, тоже юмор. Но, слава Богу, я несколько не раскаиваюсь.

— А вы, Зиновий, могли бы сказать о себе, о своем амплу такими строчками: «Я главный королевский шут, моя работа смех, пусть дураком меня зовут, но я умнее всех! Пою у трона «тра-ля-ля», бубенчиком звеня. Все слушаются короля, а слушают — меня!»

Высоковский: — Да, в этом есть что-то близкое мне. Закончил театральное училище имени Щукина в 1961 году, моим педагогом был Владимир Этуш. И вот минуло уже тридцать лет. Все это время я постоянно чувствовал, что «Щукинка» в моей жизни — одно из самых светлых мест. Именно здесь я был по-настоящему счастлив и относился к делу очень серьезно. Сейчас идут репетиции «Мещанина во дворянстве» Мольера, которым я выпускался из стен этого училища — играл Журдена. И вот, представляете, какое стечение обстоятельств! Это, считайте, моя первая режиссерская работа!

— Если бы ваш хороший знакомый попросил рассказать «страшную» историю для его шаловливой дочери с «воспитательными» целями...

Быков: — Я вспомнил бы историю с одним человеком. Он писал для кукольных театров назидательные вещи — плохой зайчик — хороший котик или наоборот: хороший зайчик — плохой котик. Его не касалась никогда никакая цензура. И вдруг заворачивают сказочку: «Не пойдет!» Долго потом он выяснял — что, как и почему, совершенно обалдевший. А ему вдруг говорят: «У вас в сценарии есть такая фраза: «Нам ваши советы ни к чему». Это говорит зазнавшийся заяц. А его спрашивают: «Вы что, имели в виду Советы депутатов трудящихся?.. Это уже пахнет антисоветчиной!» Но он выкрутился, говорит: «Тогда у нас везде антисоветчина. Куда бы я ни пришел, в метро, например, везде написано: «Нет выхода, нет выхода»...»

— Каким был бы ваш театр, если бы он был?

Юрский: — Это был бы театр стилей. То, что так блестяще реализовал в музыке Володя Спиваков. Он назвал это прямо, в лоб — «Виртуозы Москвы». Мне бы не хватило пороку так назвать, но, в принципе, я хотел в свое время создать труппу виртуозов-актеров, драматических актеров, которые вели бы за собой публику, пытаясь выразить современность в разных стилях, идеально стиль выдерживая и чувствуя то, чем стиль сейчас жив. Ко мне это перешло от Товстоногова. В его «Горе от ума» стиль был безукоризненно сохранен, но это был очень современный спектакль.

— Как вы относитесь к феномену «отрицательного времени»?

Быков: — Дело в том, что у наших чиновников никогда особо политических позиций не было. Папа Римский лет восемнадцать назад издал энциклику, в которой настоятельно советовал католической церкви пропагандировать советские фильмы, потому что они:

Самый милый Бармалей

Страдание тоже должно занимать свое место в жизни человека. Человек не всегда должен избегать боли и не всегда должен стремиться к наслаждению.

М. Монтень «Апология Раймунда Сабундского».

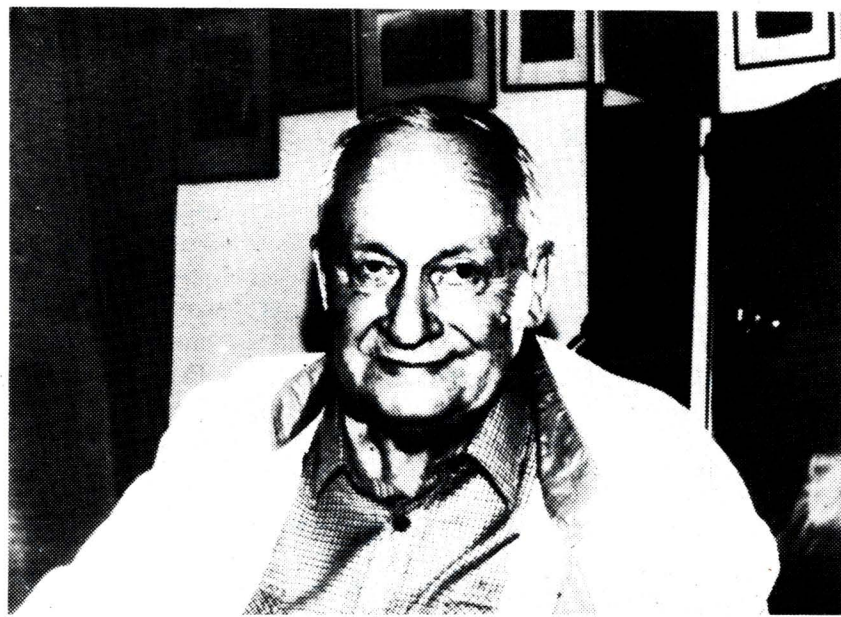
а) всегда моральны, б) не содержат никакой революционной идеи.

У нас был удивительный кинематограф. Запрещалось некоторое направление вещей. То, что, по мнению «шестерок», могло вызвать неудовольствие у более высокого начальства. Запрещались картины, которые попадали в какую-либо политическую игру. Но чаще всего — те, которые вызывали недовольство у серых кардиналов, у приближенных к высокому кинематографическому начальству...

— Как вы оцениваете «увлечение» многих артистов пародировать лидеров страны?

Высоковский: — Когда я вижу, как мои коллеги с оголтелостью показывают большого Брежнева, я к ним отношусь брезгливо. Я вместе с этими самыми высокими сейчас артистами был на 70-летию Брежнева и видел, как они выступали. Почему же тогда они не пародировали его? Он же всегда так говорил. И —

— 18 — • 45-я параллель • № 21

Сэр Уинстон Черчилль

КАК ДВАЖДЫ

то же самое, как сейчас показывают Горбачева. Это не предмет искусства! Это можно прекрасно рассказывать дома, но это не искусство. Среди моих приятелей был коренастый, крепко сбитый парень с гитарой, ему тогда было 24 года. Никто не предполагал, что именно он скажет за всех нас, от всех нас, про всех нас. Так, как никто другой. Он тогда еще написал:

*...Я до рвоты, ребята,
за вас хлопочу.
Может, кто-то когда-то
поставит свечу
Не за голый мой нерв,
на котором кричу,
За веселый манер,
на котором шучу...*

Думаю, ему тогда написать «Охоту на волков» было гораздо труднее и рискованнее, чем сейчас показать пародию на Горбачева. Смею заверить, что если бы сегодня был Высоцкий, если бы Бог его воскресил хотя бы на одну ночь, то к утру была бы песня, которую опять распевал бы весь народ. А все, кто сейчас стоят у власти, даже Ельцин, за которого я лично болею и переживаю, — и он тоже приложил бы руку, чтобы его снова закопать. Потому что это была бы честная десятка.

— Не было ли у вас ощущения, что прожили жизнь не там?

Юрский: — Я не осуждаю людей, которые не хотят жить здесь. И все же каждый раз пытаюсь того или иного знакомого, друга отговорить от этого шага. Но у каждого своя жизнь. Каждый по-своему прав.

Думаю, что языковая среда, во всяком случае для артиста, все-таки определяющая, и ничего здесь не поделаешь.

Единственный человек нашего поколения, на мой взгляд, который не только не угас, но и расцвел в иной среде — это Бродский. Это редчайшее исключение. Но, во-первых, он гений, во-вторых — его изгнали... Он не выбирал.

Вот я, к примеру, в Париже работал целый сезон. Привез массу незабываемых и очень важных для меня впечатлений. Вместе с тем во мне окрепло убеждение, что не хочу столь продолжительно работать за границей. Потому что другой зритель, другие потребности, другие цели, все другое. Нужно себя преодолевать, переделывать.

А у нас, в этом убеждаешься на каждых гастролях, существует наш зритель. Люди, которым необходимо наше драматическое искусство.

— Кто из коллег по цеху театральным актерам для вас идеал?

Менглет: — Андрей Миронов. Он был бесконечно одарен. И это, конечно же, не

могло не привлечь внимания и старших товарищей, и зрителей (в результате). Он был зверски трудоспособным человеком, зверски. Просто фанатично преданным театру. И у него хватало сил на все: на работу в театре и на эстраде, на съемки в кино, на программы и встречи. У него была просто уникальная способность трудиться во имя театра, во имя искусства.

Нас с ним, конечно, все-таки разъединял возраст. Я не могу сказать, что мы были друзьями, да и компании у нас были разные. Мы главным образом встречались только в театре, в спектаклях, которые играли вместе.

Он был хорошо воспитан, уважал людей старших. Во всяком случае, по отношению ко мне я всегда чувствовал и уважение, и внимание. И платил ему тем же.

Юрский: — Алексей Марков. Сложившийся мастер, совершенно не терпящий ничего вмешательства.

Сафронов, уже тогда старик. Козаков, несомненно, сделавший свои замечательные роли у Товстоногова. Стрельчик, Копелян, Лавров, Шарко, Макарова, Басилашвили... Есть и более скромные имена, те, что не гремели, но которые для меня очень важны.

Это Изольд-Забудовский, артист БДТ. Он занимал скромное положение, но это — настоящий актер. Мне многое довелось узнать от него, и для меня он был гидом по театрам, эталоном актерского мастерства. Мы вместе играли в «Братьях», он для меня как старший брат. Я желаю ему счастья.

И еще Борис Левкин, ныне американец. Он эмигрировал четырнадцать лет назад, живет в Нью-Йорке.

— Давайте, я начну фразу, а кто-нибудь из вас ее закончит. Итак, «Если быть честным...»

Менглет: — Если уж быть честным, то в судьбе актерской много ведь бывает неудач. Я мечтал сыграть Чацкого в «Горе от ума» — не сыграл. Не сыграл Фамусова. Очень хотел сыграть Иудушку Головлева. Тарелкина в «Смерти Тарелкина» так и не сыграл. Как ни странно, в кино снялся только однажды. В роли Черчилля. Это было в фильме «Победа», который поставил Матвеев.

Высоковский: — Если честно? Как только хочу высказаться на какую-нибудь серьезную тему, публика сразу возмущается. Что такое, мы пришли что-нибудь веселенькое послушать, а тут какая-то «Пятая сторона света»... Это так они реагируют на афишу моего нового моноспектакля.

Да, фамилия артиста должна отвечать сама за себя. Я думаю, что это правильно. Но жизнь иногда диктует и малосмеш-

ные темы. И тут же невозможно вызвать такой сплошной смех, как хотелось бы, но вы уж потерпите на этот раз, а там, в дальнейшем, можно будет снова постараться опять валять дурака.

— А что скажете о теперешних юмористах?

Юрский: — Некоторых очень любил и продолжаю любить. Это Жванецкий и его артисты Карцев и Ильченко. По-моему, они артисты замечательные. Люблю Хазанова. Нравятся некоторые вещи Трушкина. В отличие от этих, все больше развязности и все меньше искусства у таких, как Задорнов, Измайлов. Они для меня становятся все более чужими в искусстве.

Высоковский: — Я, как и все, смотрю телевизор и вижу, что нам, артистам сатирического плана, просто нечего делать: появились конкуренты. Достаточно посмотреть нынешние политические «телешоу». И там есть свой кабачок «13 стульев». И есть люди, поющие чужими голосами.

— Вы пытались подобрать самый высокий денежный (именно!) рейтинг к какому-нибудь общечеловеческому понятию?

Быков: — Да. Свободу дали. Но Свобода, оказалось, стоит огромных денег... Вот так-то, а вы что, не заметили?

Герман сделал картину о войне «Операция «С Новым годом». А уже были авторитеты, которые место режиссера, знающего войну, снимающего о войне шедевры, заняли. И тогда это было как бы нарушением со стороны Германа, он, как Паниковский, нарушал конвенцию: тут занятое место, оно уже своровано, присвоено. И вдруг приходит какой-то «чмур», который говорит, что это — его.

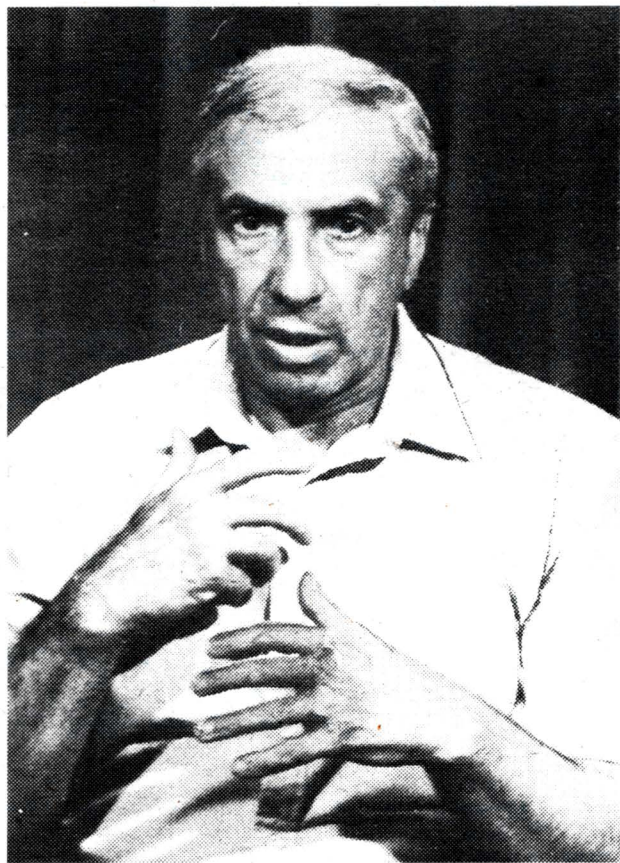
реть спектакли Станиславского и Немировича-Данченко, Вахтангова, Мейерхольда, Алексея Дикого и Алексея Попова, Юрия Завадского...

— Прошу вас похвастаться...

Юрский: — Золотой — как бы — диск! Процесс записи пластинки шел очень

В том же смысле высказывался и Антисфен, заявлявший, что надо запастись либо умом, чтобы понимать, либо веревкой, чтобы повеситься.

М. Монтень «Апология Раймунда Сабундского».

Товарищ Бендер

жен бояться птиц. Видишь, у них на крыльях кресты. Кто сам на сэбэ крест поставил, тот не жилец.

Так я впервые услышал голос Кавказа. И хотя я тогда ничего не понял, но сердцем почувствовал, что этот язык несет покой и радость. Кавказ принял тогда нас всех и, не спрашивая национальностей, объявил нас родными, кровными. Ибо

ДВА ЧЕТЫРЕ

Пан Зюзя

Ну что это такое?! Есть хозяйва всего, есть хозяйва успеха, есть хозяйва прессы. И чего это он вдруг решил, что он будет хозяином?

Менглет: — Такой пример. Режиссера художника, ныне покойного Н. П. Акимова, когда он впервые приехал из Америки и выступал в Доме актера, спросили: «А как живут актеры там, в Америке?» Он был человек бесконечно остроумный, за словом в карман не лез: «Хорошие актеры живут лучше там, плохие — лучше у нас...» И это, к сожалению, так. Нашему актеру, чтобы прилично получать, надо бесконечно работать: и на радио, и на телевидении, и в кинематографе. Профессия режиссера редкостная, я бы сказал — штучная. У нас мало режиссеров. Я помню расцвет русского театра в 30-е годы. Москва считалась театральной Меккой, когда одновременно вы могли посмот-

трудно (у меня всегда было не просто с разрешениями), но вещи были записаны с ходу, потому что были вещи концертные. А в концерте я совмещал авторов порой несовместимых. Зошенко, Мопассан, Миль в переводе Маршака, Пастернак. Пластинка пользовалась потрясающим успехом и имела около десятка переизданий. Если считать свои диски, как это делают современные рок-группы, то общий тираж пластинки оказался бы могуч.

— Бывали у нас на Кавказе?

Менглет: — Ну как же, я был в Пятигорске, лазил на Машук.

Высоковский: — Я родился там во второй раз. Вообще место моего рождения Таганрог. В войну последним эшеломом

гласит народная мудрость: «Не та кровь объединяет, что течет в жилах, а та, что течет из жил...»

В Кисловодске похоронены мои предки. Там же живет моя сестра.

Юрский: — И раз, и два, и...

— Сергей Юрьевич, знаю, что вы пишете стихи. Не завершите ли одним из них нашу «пресс-конференцию»? Разумеется, эксклюзивно для «45».

Юрский:

— В этот воздух,
в эти чистые леса
Я приехал не на запад,
и под небо поднялся.
Почему так долго длится
этот праздничный почин,
Почему на этих лицах
не оставили морщин?
И заботы, и усталость,
и утраты, и года.
Розовые, как ребята,
эти дамы, господа.
Хоть и стар, да вроде молод,
Зубы блещут новизной.
Здесь и холод как не холод,
Здесь и зной как бы не зной.
Но сильней мой горький опыт.
Как чужой, на все гляжу.
Ах, Россия-недотепа,
я тебе принадлежу.
Это просто ветер шальной
из совсем чужих кровей
Перенес, как легкий шарик,
Всю печаль души моей.
В этот мир, где столько света,
Где от правды воспаря,
И зимою тоже лето,
Я помню тогда не зря...

Пресс-конференцию наоборот со звездами театра и кино провел Борис СМОЛЬ, спецкор «45».

Фото автора и Ивана ОВСЯННИКОВА (Ставрополь).

Организационные уловки производил Александр БЫСТРЫХ, редактор отдела культуры.

ВЫИНИЛ

«Обращаюсь к вам с огромной просьбой. Помогите подписаться на вашу газету и приложение. Дала мне однажды подруга прочитать их, страшно захотелось получать все выходящие номера, а не так — кто подбросит. Да и подбрасывать в принципе некому: подруга сама случайно купила.

Поэтому прошу вас, помогите, по каталогу вы не числитесь, а уж очень хочется читать вашу газету — она с первого раза мне очень понравилась. Может, вы высылаете свои издания наложенным платежом?

Людмила КЛИНДУХОВА, Москва».

«45»: Индекс — всероссийский — напомним, достаточно скоро у нас появится, наложенным платежом издания не высылаем. Но выход из тех, кто не имеет возможности регулярно получать «45», есть: коллективная подписка, а стало быть, и последующая реализация. Шлите заявки по нашему адресу. Коллективные подписчики могут получать от нас не менее 100 и не более 500 экземпляров каждого издания. Им предоставляется торговая скидка.

«В наше время повального дефицита вряд ли появится шанс в торговой сети нашего города приобрести выпущенный вашей редакцией детектив Э. Шугера «Мститель». Убедительно прошу изыскать возможность выслать книгу наложенным платежом.

В. КОПТЕЛОВ, Тула».

«Вы сообщили, что выходит книга (в форме «Роман-газеты») — детектив Э. Шугера «Мститель». Но я бы хотела знать, где можно приобрести эту книгу?!

Светлана КУЛИКОВА, село Красногвардейское, Ставропольский край».

«45»: Совершенно точно можем сказать, что «Мститель» будет продаваться в сети «Роспечати» в городах Ставропольского и Краснодарского краев. У частных распространителей — в Москве. Наложным платежом кни-

КУРАНТЫ

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ВАС — ЭТО РЕКЛАМА ВАШИХ ТОВАРОВ И УСЛУГ В ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЕ «ДАЙДЖЕСТ-КУРАНТЫ». ВЫСОКАЯ ПОПУЛЯРНОСТЬ «КУРАНТОВ» ПЛЮС КРУПНОМАСШТАБНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ «ДАЙДЖЕСТА» — ЭТО ЗАЛОГ ВАШИХ ДЕЛОВЫХ УСПЕХОВ!

Прием рекламы в «Дайджест-Куранты» по средам и четвергам с 11.00 до 13.00 и с 16.00 до 18.00 по адресу: Москва, ул. Станкевича, 12. Телефон (095) 229-03-13. Факс (095) 292-55-15.

«45»: С «Дайджест-Курантами», считаем, у нас уже сложились добрые и деловые взаимоотношения, а вот — новый контакт.

«Дорогие друзья!

Учитывая, что фирма «СОЦЭКО» фонда милосердия и здоровья Киева образована недавно и значительных средств не имеет, просим вас поместить информацию на безвозмездной основе в виде благотворительного акта.

ТЕМ, КТО СОБИРАЕТСЯ ПРИВАТИЗИРОВАТЬ ЖИЛЬЕ, ПРЕДПРИЯТИЯ ТОРГОВЛИ И СЛУЖБЫ БЫТА!

МЫ МОЖЕМ ВАМ ПОМОЧЬ! И НЕ ТОЛЬКО В ЭТОМ. РУКОВОДИТЕЛИ ТВОРЧЕСКИХ КОЛЛЕКТИВОВ! В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВИДА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫ ПОЛУЧИТЕ ОТ 75 ДО 90 ПРОЦЕНТОВ СУММЫ ЗАКЛЮЧЕННОГО С НАШЕЙ ПОМОЩЬЮ ДОГОВОРА!

254214, Киев, ул. Героев Днепра, 36 а/32 МП «СОЦЭКО». Тел. (044) 4136149»

ВЫИНИЛ

Стать обладателем писем, которыми располагает «45», наверняка сочло бы за крупную удачу любое издание, вплоть до самых именитых. Они написаны Александром Исаевичем Солженицыным в разные годы и адресованы его двоюродному брату и тезке Александру Александровичу Михееву. Собственно говоря, именно эти пожелтевшие от времени листки бумаги и стали отправной точкой для серии публикаций «Корни и крона». И редакции, и автору цикла хотелось, чтобы он завершился именно так: «45» получает право донести до своих читателей живое слово А. И. — уже из далекого далека десятилетий. В 1991-м Солженицын прислал нам из Вермонта одобрительный отзыв: мол, не по ложным фигурам идем, биографию не приукрашиваем, легендами не обвиваем... Долго ждали другой весточки: разрешит ли А. И. публикацию давних — у него в ту пору и пишущей машинки не было! — писем. И вот, наконец, от заместителя редактора «Нового мира» Вадима Михайловича Борисова, доверенного лица писателя в России, узнали, что из Штатов от А. И. пришло долгожданное «добро», чем мы, разумеется, и воспользовались.

1953 год. Солженицын освобожден из лагеря и отправляется «на вечное поселение» в аул Кок-Терек (Зеленый тополь) Джамбульской области. Оттуда он пишет первое письмо двоюродному брату по отцовской линии Александру Михееву, которого очень долго искал.

«6.8.53

Дорогой мой брат Александр!
К стыду своему должен сказать, что ничего о тебе не знал до сегодняшнего дня, как-то не приходилось мне встречаться с папиной родней, а все с маминной. Но написал тете Марусе (я и ее-то на восемь лет терял из виду) — не знает ли она где моих родственников, и вот сегодня получил от нее письмо, где она пишет про тебя. Давай знакомиться, если ты не возражаешь. Жалко, нет у меня сейчас фотографии, и тут трудно ее сделать, но как сумею — пришлю, а ты пришли мне обязательно свою с женой и, если есть у тебя, с детьми. Напиши, какакая у тебя специальность, кем работаешь и как вообще жил и живешь.

Моя жизнь складывалась до сих пор неважно, но бывает и хуже, так что я на судьбу не обижаюсь. До войны было все гладко, кончил я физмат Ростовского университета, женился в 40-ом году, на пятом курсе, жена у меня была такая замечательная, что уж второй такой найти не надеюсь. В 41-ом году ушел на войну, служил полгода рядовым, потом пробился в артиллерийское училище, с конца 42-го года командовал батареями, кончал войну в звании капитана, да не тут-то было. Пришлось пережить восемь очень тяжелых лет — с февраля 45-го по февраль 53-го. Жена моя милая, хотя и уговаривал ее выходить замуж, не ждал, ждала меня после одного годика совместной жизни и без детей — ждала 11 лет — и вдруг в прошлом году вышла замуж, года не дождавшись. Ну, да я на нее не обижаюсь ничуть, и так я ей всю молодость загубил, а она мне в эти годы жизнь спасала своей помощью.

Теперь я работаю по специальности, преподавателем математики и физики в старших классах здешней средней школы, жить можно,

«26.10.53

Дорогой Саша!
Вот уже полтора месяца, как приготовил для посылки тебе свою фотокарточку — и такой грех, провалилось куда-то твое письмо с адресом, да я еще и с квартиры на квартиру переезжал, никак не мог найти, а теперь нашел отдельно записанный твой адрес и наконец отвечаю.

Спасибо тебе за карточку, сын у тебя уже такой герой, бойко смотрит. Очень благодарен тебе за все, что ты мне рассказал о наших родственниках, а у меня в памяти осталось, что когда я году в 29-ом был в Сабле, там я видел дедушку — значит, дедушки уже не было в живых, а это был старший брат? Да и тебе в годы войны пришлось, значит, хватить горького? Но не было бы счастья, да несчастье помогло, как говорят, да?

1961 год. Александр Исаевич работает над «Крохотками» — стихотворениями в прозе. После XXII съезда решает попытаться напечатать «Один день Ивана Денисовича», но сам в издательство не идет. Лев Копелев приносит рукопись в журнал «Новый мир». После долгих переговоров с властью предрекшими Александром Трифоновичем Гвардовским получает разрешение на публикацию от самого Никиты Сергеевича, так сказать, с благословения Хрущева печатает в № 11 за 1962 год «Один день Ивана Денисовича». Вест об этой публикации облетает весь мир, Солженицын сразу становится знаменитым.

«18.5.61 г.

Дорогой Саша!
Ты удивляешься моему долгому молчанию. Те, кто знают меня давно, не удивляются: как-то не хватает у меня на письма усидчивости и

шое письмо, написанное в январе. Вот на него я не ответил и каюсь.

По обоим твоим письмам вижу, что желудком ты время от времени продолжаешь страдать. Относишься ты все-таки к здоровью спустя рукава, если сам следить не будешь — никакие санатории не помогут. Надо слушаться Марусю, она тебе дельные вещи всегда говорит!

А мне на море и на юге никогда не приходилось бывать в зимнее время. Это очень интересно. Но раньше пенсионного возраста, по роду работы, мне туда зимой и не выбраться.

Да, хорошо бы тебе, правда, свозить в такие красивые места Марусю, она сидит домоседкой, прикована к хозяйству, к сыну. Маруся твоя очень милая добрая женщина, оставила у меня самые лучшие воспоминания — как мы ждали тебя долгим дождливым вечером и разговаривали обо всем.

Но мы на юг пока не собираемся, наоборот — еще дальше на север: в Ленинград, в Новгород,

Рассказывает сын Александра Александровича Михеева — Алексей Михеев:

— ...Родился мой отец в селе Сабля бывшей Ставропольской губернии в 1908 году, 25 декабря. Закончил четыре класса сельской школы. А позже обучался в Пятигорске сапожному ремеслу, и когда наловчился, работал у хозяина. Потом поступил на курсы товароведов, успешно закончил их и уже уехал работать в Георгиевск. В 1934 году женился в первый раз, но брак был неудачным. В конце 30-х годов женился во второй раз на Марии Семеновне Гай. Это моя мама. У нее уже был сын Юрий, ставший мне сводным братом. В

1941 году отец ула и до конца. Жил, но был после войны ж затем переехал году родился я. Вым и нас к этой жизни ему не оч приезжал Алек помню. Вскоре и мы так и прож попала под элв году. Вот, пожа

КОРНИ И КРОНА

АЛЕКСАНДР ИСАЕВИЧ СОЛЖЕНИЦЫН

В настоящее время Алексей Михеев живет в Киеве и работает бортрадистом в авиаотряде аэропорта Борисполя.

Письма, процитированные выше (и публикуемые в дальнейшем), попали в «45» через его сводного брата — Юрия Гая.

«8.5.62.

Дорогой Саша!
Спасибо, что не забываешь, рад был весточке от тебя. Думаю, что у Вас дома все в порядке, иначе бы ты об этом написал. Но все же ты мог бы черкнуть несколько слов о домашних делах. Как растет сынишка? — главное, как ведет себя, интересуется ли учебой и работой? Ведь он уже в 8-м, наверное, классе? Годы идут. У нас жизнь без изменений, а так как детей нет, то и не так замечаем годы. Напротив, несмотря на них, занимаемся спортом — велосипед, лыжи, теннис. Этим летом опять планируем попутешествовать на велосипедах. А еще намеряем проехаться в Сибирь до Байкала — надо же когда-нибудь все посмотреть. Помнится, ты мне говорил, что в Иркутске живут Быковы — сыновья тети Евдокии. Ты бы очень меня одолжил, если бы теперь же в мае черкнул мне или их адреса, или (если адресов не знаешь, но точно знаешь, что они в Иркутске) — точные данные: имя, отчество, год рождения, профессия — чтобы я мог найти их там через адресное бюро. Я смутно помню из них кого-то, ведь я бывал у тети Евдокии. Напиши, если что-нибудь знаешь.

Как твои старики?
Сердечный привет Маше!
Привет Люде и Мите!

«5.1.66.

Дорогой Саша! Спасибо за память! Большой привет Вам всем тр увидимся. Желаем Вам здоровья и благополучия! Саня. Ты перемены

В 1971 году в Париже появился на свет «Август четырнадцатого». К ныне эпопее и заканчивалась послесловием, обращенным к русским акция: гэбисты наводят свой порядок в домике, где жил А. И. в ту пор характеристику этому году: «Хотя и следующий 71-й год я совсем не ощутил его, как проход полосы затмения решимости и действия».

«25.3.71.

Дорогой Саша!
Через неделю-другую мы должны были увидеться: я собирался быть у тебя с приятелем на «Москвиче», думал катнуть с тобой и в Саблю. Но возник слух, что в апреле юг отрежут холерным карантинным — и я отказался от поездки: очень боюсь застрять, времени на это нет. Может быть, удастся приехать осенью. Как Вы с Машей живы-здоровы? У меня, кроме тех новостей, о которых ты, вероятно, знаешь, вот какая, ты поразишься: у меня родился сын Ермолай (и фамилия — моя) — правда, не от Наташи, с нею жизнь разладилась. Так

неожиданно и та отца! Сейчас ем! Написал об эт Если когда адрес моих м передадут, хотя и Москва, ул. корпус Б, кв.60. для А. И. Обнимаю тебя Не оставляю Сабле.»

В течение двух лет наш специальный корреспондент Борис Смоль вел журналистский поиск уникальных документов, фотографий, свидетельств и воспоминаний, расширивших и дополнивших биографию жизни и творчества Александра Исаевича Солженицына. Большинство из них стали достоянием читателей. Мы завершаем серию публикаций «Корни и крона». Но горячо надеемся, что скоро А. И. вернется в Россию и даст эксклюзивное интервью «45».

—там думаем попутешество-

ипеде я хочу сделать километ-
среднерусским местам.
сейчас, после двухмесячного
—декабре — ничего, терпимо.
огородик и палисадник с цве-
крошечное, Наташа занимается
забавы, а овощи таскаем с
тесно, камень кругом, не раз-

не пишешь — как же Митя? Так
Кивет у Люды?
оим. Большой привет Марусе и
аме.
но кланяется Вам всем.
и! Береги свое здоровье и не
по-сумасшедшему, не щадя
чер.

Твой Саня.

что я пишу редко».

шел на фронт. Воевал от нача-
До больших чинов не дослу-
награжден медалями. Сразу
ид и работал в Георгиевске, а
в Минеральные Воды. В 1947
Отец был очень трудолюби-
му тоже приучал. Вот только в
еньвезло... В Минводы к нему
ксандр Исаевич, но я этого не
отец перебрался в Пятигорск,
жили там долгое время. Мама
ктричку. А папа умер в 1985
луй, и все...

М
И

ЖЕНЩИНЫ

ЖЕНЩИНЫ: ШТРИХИ К БИОГРАФИИ

Алексей Михеев.

яется Маше и тебе. Обнимаю

Твой Саня.

ровье? Тоже не написал. Мое
влично».

оим! Может быть в конце лета
дом?»

Книга была первой в знаменитой
эмигрантам. Тут же следует
... Сам писатель дал такую ха-
бездеятельно провел, но сам

к поздно появился внук у моего
у три месяца.
ом и тете Ире, только что.
захочешь мне написать — даю
осковских знакомых, они мне
не сразу, если будут в отъезде.
Большая Пироговская, 37/43,
Аничковой Наталье Мильевне
и Машу!

Саня.

надежду побывать с тобой в

Между только что приведенным и следующим за ним письмом — год с небольшим. Однако именно в этот временной промежуток писателю была присуждена Нобелевская премия. Обратите внимание: о ней-то — ни слова. Характеристика?

«7.5.72

Дорогие Саша и Маруся!

Сердечно рад был Вашему
новогоднему поздравлению, тем
узнавши, что вы живы и, наде-
юсь, здоровы. Саша, держись,
пожалуйста, не сдавайся своим
болезням! Должны же мы пови-
даться!

У меня дела — сами знаете,
может, кое-что и слышали. 2 с
половиной года шел развод с
первой женой, в котором участ-
вовало и государство, прямо на
ее стороне — так что нелегко дал-
ся, как вы понимаете — дошло и
до Верховного Суда, и она писала
против меня статьи в загранич-
ной прессе.

Однако, все-таки, 15 марта
развелись. Теперь еще не знаю,
где буду жить: приходится уехать
с дачи, где жил 3,5 года (подразумевается дача
Мстислава Ростроповича. — Б. С.). В Москве
еще пропишут ли, не знаю, да мне в городе и
плохо работается.

А вот какая радость: великолепно растут сы-
новья, хорошего здоровья и нрава, а главное —
вылитые в наш род. Ермолашка, хотя и сильно
похож на меня, но, очевидно, если разобраться,
то еще больше — на моего отца и на нашего деда.
А у меня низ лица — мамин, и Игнат все это
точно повторил. Вообще люди даже дивятся и

Александр Михеев и его сестра
Людмила.

смеются, до чего они оба на меня похожи, оба
лицами С-ны. У Ермолая, как и у меня было лет
до пяти, ослепительный лен волос, в комнату
войдет — как лампочка зажглась, в Москве та-
ких нет, на улице на него оборачиваются. Игнат
— тоже светлый, но рядом с ним кажется шате-
ном (ему — 7 месяцев).

А еще мы ждем к сентябрю — треть его. Но и
опасаемся, потому что жена моя Аля (ее зовут
тоже Наталья, но сокращаю ее так) хрупка в
беременностях, ей запрещают совсем поднимать

сперва? (Мы бы ее смогли временно прописать.)
Разумеется, мы и материально ее вознаградим,
но дело не в деньгах, а именно в родственном от-
ношении, что эти дети нашу фамилию носят и
продолжают наш род.

Был у нас с Алей план этой осенью поехать на
юг, побывать и у вас, — но теперь из-за родов
опять все откладывается. И благословенье Божье
— в моем-то возрасте, да никогда в жизни не
имевши, и вдруг пошли! — и надо, видно, оста-
навливаться, хотя тоже грех. А как мои папа-
мама радовались бы, если бы знали, что на мне
наша ветвь не кончается!

Ну, будем надеяться: на будущий год, если Бог
даст — на будущий год мы все-таки приедем в
родные места. (Алин покойный отец — тоже из
тех мест, терский казак был.)

Если что надумаете — напишите. Тем же путем
письмо всегда дойдет.

Передайте мои большие приветы Ксене и
Люде. А вас обоих обнимаю и целую!

Саня.

Аля кланяется вам. С апреля и она уже носит
мою фамилию. Скоро думаем и в церкви повен-
чаться (вчера бы, на Красную Горку, да паспор-
та не вернули из милиции.)»

Следующее письмо двоюродному брату Александру написано за несколько месяцев до ареста и осуждения — на изгнание из страны.

«7.11.73.

Дорогие Саша и Маша!

Пишу на всякий случай, если мой друг ока-
жется в М.—Водах и к вам зайдет. Он едет с по-
пыткой забрать тетю Иру к нам, стыдно мне оста-
влять ее в таких условиях дальше.

Это — очень хороший мой приятель, если ему
нужно переночевать в М.—Водах — приютите.

О моих событиях вы, вероятно, слышите.
Представьте: мы целы, здоровы, крепко, бодро
стоим, и у меня родился еще третий сын Степан.

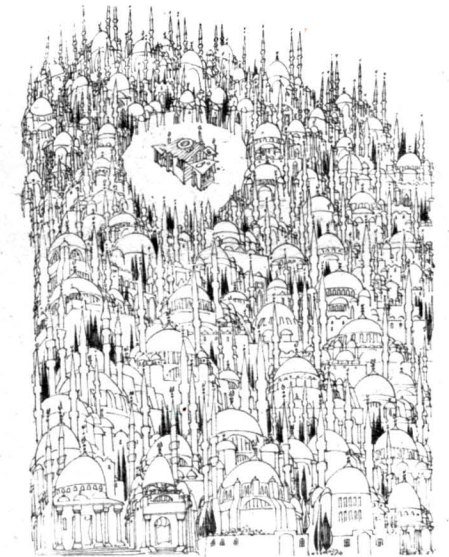
Если будет благополучно и неизменно все (на
что, однако, надежды мало) — то осенью собира-
емся с женой на Сев. Кавказ и будем у вас.

Письма, процитированные «45», нигде и никогда не публиковались. Думаем, они представляют для поклонников творчества А. И. и литературоведов вполне определенный интерес. Мы же считаем свою задачу выполненной: наше издание опубликовало во многом уникальные документы, фотографии, воспоминания, расширяющие и дополняющие биографию жизни и творчества А. И. Теперь дело за немногим: даст Бог, скоро Солженицын, как и обещал, вернется в Россию и, даст Бог, согласится на эксклюзивное интервью «45».

Борис СМОЛЬ, собкор «45».

Фото и фотокопии автора.

ЯИНИЛ

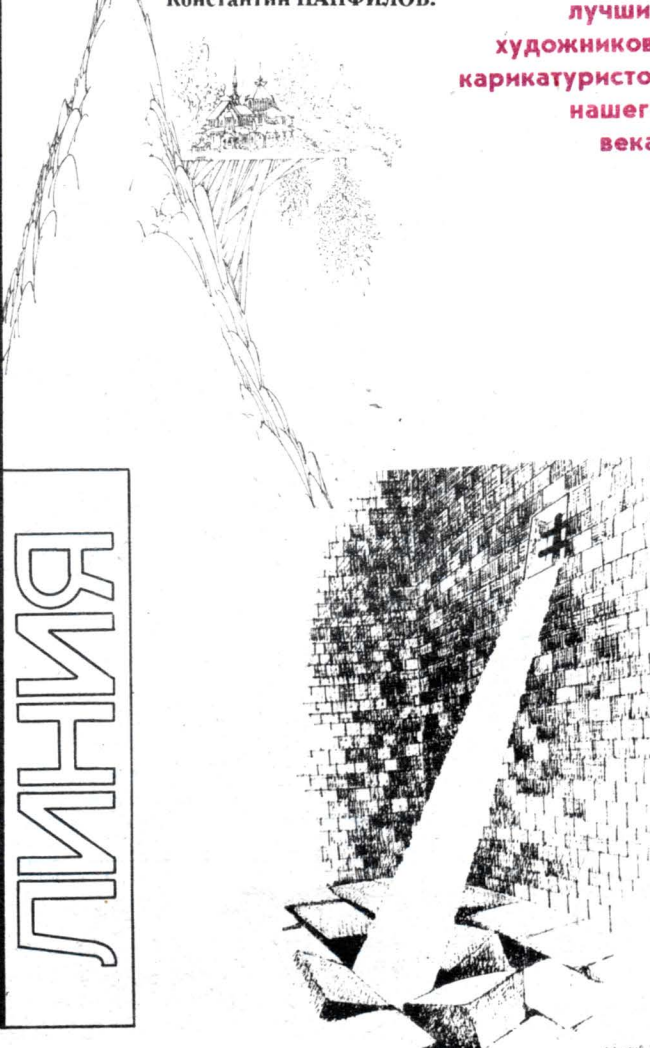

Селих Балциоглу родился в 1928 году,
в пятнадцатилетнем возрасте опублико-
вал свою первую карикатуру в журнале
«Акбаба». Сейчас он признанный масте-
р, обладатель 33-х наград на различ-
ных выставках как на родине, в Турции,
так и за рубежом. В Габрово он был вклю-
чен в первую сотню лучших художников-
карикатуристов нашего века.

Альбом «Бой, бой, Стамбул» («Прощай,
Стамбул») — классика турецкой карика-
туры несколько лет назад — в г. Пескара
(Италия) назван лучшим.

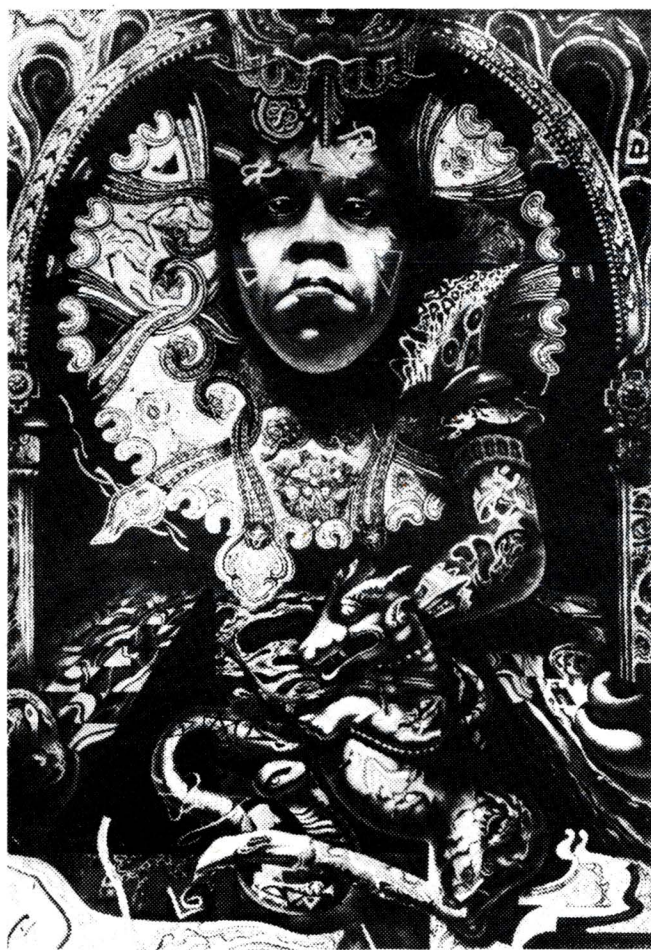
Вот несколько работ именитого автора.

Константин ПАНФИЛОВ.

В Габрово
он был
включен
в первую
сотню
лучших
художников-
карикатуристов
нашего
века.

ЯИНИЛ

Денис: «Композиция»

Изначально было так: село Овощи Туркменского района на Ставрополе. В большой крестьянской семье Соколенко аж три брата становятся художниками. Один творит в Ростове, другой — в Невинномыске, а третий — в Ставрополе. Вот о нем-то, Алексее Егоровиче, а также о его чадах и домочадцах пойдет ныне речь.

На снимке глава семьи — второй слева, догадались? Борода окладистой, чем у сына Дениса, тоже — и не между прочим — художника. Рядом, по другую руку, верная спутница жизни Соколенко старшего — Лариса Ивановна, жена, но отнюдь не подражательница в творчестве, свой почерк имеет, да еще какой! Александра, Саша, Шурочка — дочь Алексея Егоровича и Ларисы Ивановны... Вы все поняли? Из пятерых людей, изображенных на нашем фото, только шестимесячная внучка Соколенко-старших кисти в руках не держала. Ну, рановато еще...

Алексей Егорович окончил Ростовское художественное в 1964-м. И вскоре после этого стал одним из организаторов первой на Ставрополе художественной школы. Был в

ней директором, преподавателем. Больше четверти века в этой школе работает и Лариса Ивановна, а на смену отцу пришла дочь Александра. Денис скептически относится к педагогике, полагая, что сам с усам... Собрать их в мастерской Алексея Егоровича было не очень сложно — здесь их второй дом.

То, что все они участвовали во многих самых-самых-самых выс-

тавках, очевидно, и писать не стоит. Их авторитет в кругу художников высок, а Алексей Егорович успел показать себя, не ударив в грязь лицом, и за океаном: дружит он — и крепко — с американцами, живописцами звездного класса.

Александр ВОЛКОВ
фоторедактор «45»
Фото автора.

Соколенко-старший: «Аннушка»

А пристрастия у них такие:
А. Е. — детский рисунок, натюрморт.
Л. И. — акварель.
Саша — роспись по дереву.
Денис — графика, офорт.

НАТУРА

— 22 — • 45-я параллель • № 21

Александра: «Прогулка с барышней»

Алексей Егорович: «Оксана»

Лариса Ивановна: «Осень»

БОРЩ С МЯСНЫМИ ГАЛУШКАМИ

Очищенную свеклу мелко нарежьте, залейте свекольным квасом, бульоном из костей, посолите, прокипятите и процеживайте через сито, отжимая свеклу.

Процеженный бульон с отваром из свеклы доведите до кипения. Подготовленное для галушек мясо пропустите через мясорубку, добавьте размоченную в молоке и отжатую булку, соль, вторично пропустите через мясорубку, заправьте сырым яйцом и приготовьте галушки, разделяя фарш ложкой на небольшие кусочки. Их варят в подсоленной воде или бульоне до готовности. При подаче на стол в тарелку с борщом кладут галушки и рубленую зелень петрушки и укропа.

На 400 г мяса: 800 г свеклы, 80 г пшеничного хлеба (булки), 1/2 стакана молока, яйцо, 2 стакана свекольного кваса, 1/2 л воды.

КРУЧЕНИКИ КАРТОФЕЛЬНЫЕ С ЯЙЦАМИ

Горячий вареный картофель размять, слегка охладить. Добавить сырые яйца и хорошо размешать. Подготовленную массу разделите на лепешки, разложите на них фарш, заверните и зажмите края, придавая крученикам овальную форму. Обваляйте в муке (или сухарях), жарьте на растительном масле с обеих сторон.

Приготовление фарша: сваренные вкрутую яйца мелко порубите и смешайте с пассерованным луком. Крученики подают на стол с разогретым сливочным маслом или сметаной.

На 1 кг картофеля: яйцо, ст. ложка молотых сухарей или пшеничной муки, 2 ст. ложки растительного масла, 4 ст. ложки сметаны или 2 ст. ложки сливочного масла, соль по вкусу.

Для фарша: 2 яйца, 2 луковицы, 1 ст. ложка сливочного масла.

КАРТОФЕЛЬНЫЙ ЗАВИВАНЕЦ

Вареный картофель хорошо перемешайте с картофельным же крахмалом, сырыми яйцами и солью. Это картофельное тесто разложите толстым слоем на влажное полотенце, а на тесто — мясную начинку. Сверните рулетом, на смазанный жиром лист положите швом вниз, посыпайте сухарями и выпекайте в духовке.

Приготовление начинки: мясо без костей промойте, нарежьте небольшими кусочками, тушите, пропускайте через мясорубку и заправляйте слегка обжаренным нарезанным репчатым луком, перцем и солью. Завиванец подают на стол со сметаной.

На 1 кг картофеля: яйцо, 3 ч. ложки картофельного крахмала, по 1 ст. ложке жира и сухарей, 4 ст. ложки сметаны.

Для начинки: 250 г мяса, луковица, 2 ст. ложки жира, перец, соль.

САЛАТ КИЕВСКИЙ (по рецепту мастера-повара В. А. Лотыша)

Подготовленную капусту нарежьте тонкой соломкой, посыпьте солью и перетрите. С яблок снимите кожуру, разрежьте на четыре части, удалите сердцевину, нарежьте соломкой и соедините с капустой. Орехи подсушите, очистите и измельчите. Голландский сыр натирается на сырной терке с мелкими круглыми глазками. В капусту с яблоками прибавьте майонез, корицу, по вкусу соли, сахара, лимонной кислоты. Перемешайте и уложите горкой в салат-

ник. Сверху посыпьте измельченными орехами, тертым сыром и вареной, фигурно нарезанной морковью, зеленью петрушки, салата.

На 1/2 кочана капусты: 4 свежих яблока, 3 ст. ложки майонеза, 100 г голландского сыра, 2 ст. ложки ядер ореха, ч. ложка корицы, вареная морковь.

СИЧЕНИКИ С ЯБЛОКАМИ

Белокочанную капусту мелко нарежьте и тушите до готовности, подливая воду. Потом добавьте подсушенную манную крупу, хорошо перемешайте и продолжайте тушить еще 20 минут. С яблок срежьте кожуру, нарежьте небольшими кубиками, слегка поджарьте на масле. Смешайте с тушеной капустой, заправьте сырыми яйцами, солью. Сиченики (котлеты) запанируйте в сухарях и жарьте. При подаче на стол сиченики полейте сметанным соусом.

На 1 кг капусты: 100 г свежих яблок, 1/2 стакана манной крупы, яйцо, 3 ст. ложки сухарей, 3 ст. ложки жира, соль.

ЖАРКОЕ ПО-УКРАИНСКИ

Картофель и морковь нарезать кубиками и обжарить на растительном масле. Сняв с огня, добавить мелко нарезанный лук репчатый, посыпать перцем, перемешать.

Мясо очистите от жил и пленок, нарежьте небольшими кусочками, положите на сковороду с разогретым смальцем и обжарьте до румяной корочки. Затем прибавьте немного бульона или воды, томат-пасту, тушите под крышкой 30—40 минут.

В сотейник положите слоями подготовленные овощи вперемешку с обжаренным мясом, влейте бульон, добавьте соль, лавровый лист, перец горький, накройте крышкой и тушите на умеренном огне до готовности. При подаче на стол на тарелки положите жаркое, посыпьте чесноком, зеленью, положите резанный соленый огурец.

На 120 г мяса: 200 г картофеля, 25 г моркови, 20 г лука, 10 г растительного масла, 10 г смальца, 4 г томат-пасты, 1,5 головки чеснока, 40 г огурцов, 80 г бульона, 3 г зелени.

пустое место, бока тоже украсить, курицу переключать яйцами, пикулями, салатом, огурчиками и залить все это штаммом из телячьих ножек.

Штамм: очищенные ножки налить водой, положить целых кореньев, лавровых листьев, перцу, соли, разварить хорошо, процедить сквозь сито и залить этим курицу. Вынести на холод. Когда подавать, поставить на минутку кастрюлю в горячую воду и выложить майонез на круглое блюдо, кругом украсить салатом.

СОУС ИЗ ЦЫПЛЯТ ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ЛУКА (старинный рецепт)

Очищенных и разрезанных на 4 части цыплят обсыпать белым луком хорошего сорта, положить в кастрюлю масла, немного нашинкованных кореньев, положить цыплят с луком, посоленных и обсыпанных перцем, кусочек масла сверху, подлить бульону несколько ложек или холодной воды, накрыть крышкой и тушить.

РЕПОРТЕРА

«Тиха украинская ночь...»
Чего, к счастью, не скажешь о кулинарной традиции тех мест.
Буйство вкусовых красок при классическом, выверенном столетиями наборе ингредиентов.
Основательность фантазии и самостоятельность украинского блюда. Наверное, поэтому это заседание в определенной географической дали от известной 45-й параллели.

Обозначая финиш еще одного цикла, принято хоть намеками загадывать на будущее. Возможны формальные шаги в сторону более компактной скатерти, используемой на наших пиршествах. Не исключено, что формат «Круг чтения» будет подходить в качестве варианта, в условиях которого кулинарно-краеведческое путешествие получит свое неожиданное продолжение. Счастливого!

КУКУРУЗНЫЕ ВАРЕНИЦЫ С САЛОМ И ЛУКОМ

Из кукурузной и пшеничной муки замешайте тесто с добавлением яйца, 1/2 стакана молока и соли. Готовое тесто раскатайте толщиной в 3-4 см, нарежьте ромбиками 2-3 см и варите в подсоленной воде до готовности. Репчатый лук мелко нашинкуйте и поджарьте вместе с салом. При подаче на стол вареницы смешайте с поджаренным луком, однако самим луком не злоупотребляйте.

На 3 ст. ложки кукурузной муки: 4 ст. ложки пшеничной муки, 100 г сала-шпики, полторы луковицы.

ХОЛОДЕЦ ИЗ ВИШЕН

Из 1/4 части взятых вишен удалите косточки, а остальные вишни раздавите вместе с косточками, а потом протрите через сито, сложите в чистую посуду, добавьте молотую корицу и гвоздику, сахар, холодную кипяченую воду, лимонную кислоту и очищенные от косточек вишни. Все хорошо перемешайте и охладите.

На 600 г вишен: 3-4 стакана сахара, 2,5 стакана воды, лимонная кислота, корица, гвоздика по вкусу.

ОТЛИЧНЫЕ ПОЖАРСКИЕ КОТЛЕТЫ (старинный рецепт)

Снять с курицы кожу, обрезать белое мясо и пропустить через мясорубку. На одну курицу взять двухкопеечную булку, размоченную в молоке, и неполную ложку тертой булки, растертой с маслом, желток 1 яйца, хорошо утертый — все это смешать и месить на доске 1/2 часа. Потом сделать котлеты и в каждую вложить косточку, обсыпать сухариками и быстро жарить в горячем масле. Подавать сейчас же. Остальные части курицы сварить с кореньями и из этого бульона сделать соус к этим котлетам.

Так же делают котлеты из телятины. Нужно на 3 фунта телятины взять 1 фунт жирной свинины, пятикопеечную булку и полную ложку тертой булки с маслом (1 фунт — 400 г)

МАЙОНЕЗ В ШТАММЕ (проверенный рецепт)

Отварить курицу молодую, поделить на части. В кастрюлю уложить на спод листочки салата, яйца крутые порезанные, маслины, лимон очищенный, пикули, зеленые огурцы ломтиками, уложить все это красиво, потом курицу так, чтобы по краям кастрюли было

Рубрику ведет ставропольский врач и кулинар Евгений ШИПОВ.

ЛИВЕРНАЯ КОЛБАСА (старинный рецепт)

Отварить печенку (лучше телячью, чем свиную) не больше как 20 минут без соли, очень мелко изрубить вместе со 100 г свежего сала, пропустить через мясорубку, а потом протереть сквозь негустое сито. 200 г сала отварить, порезать квадратными маленькими кусочками, перемешать с печенкой, посолить, посыпать перцем простым и душистым. Маленький зубчик чеснока и один маленький лук истолочь с солью, намешать хорошо с мясом и накладывать в кишки, завязать, налить горячей водой и варить 1/2 часа. Подавать холодной.

ТОРТ КИЕВСКИЙ

Вам понадобятся: около 250 г сахарной пудры, 150 г жареных и дробленых орехов (кэшью или грецких), 50 г муки, 10 яичных белков, 1 г ванилина.

Орехи тщательно перемешайте с сахарной пудрой и мукой, а затем особо осторожно со взбитыми белками (взбиваются они 25—30 минут). Готовое тесто разложите по пергаменту лепешками толщиной 10—12 мм, которые выпекаются в течение двух часов при температуре 140—150°. Выпеченные лепешки охлаждаются и выстаиваются 13 часов в сухом помещении. Теперь их можно снять с бумаги, выровнять ножом, склеить сливочным или шоколадным кремом, а готовый торт украсить фруктами и цукатами.

РЕПОРТЕРА

На первой странице — плакат Евгения СКЛЯРОВА (Ставрополь) «ПАДШИЙ АНГЕЛ».

© Иллюстрированный ежемесячник «45-я параллель».
 Регистрационное удостоверение № 296 выдано 31.10.90 года
 Министерством печати и массовой информации РСФСР.
 Учредитель — Ставропольский фонд культуры.
 Главный редактор Сергей СУТУЛОВ.
 Художественный редактор Александр МАКУШЕНКО.
 Адрес: 355045, Ставрополь, ул. Суворова, 1, т. 3-18-94.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
 Мнения авторов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.
 При перепечатке ссылка на «45» обязательна.
 Цена в пределах Ставрополя 1 руб.
 Типография издательства «Ставропольская правда».
 Подписано в печать 10.12.91 г. Заказ № 1952.